

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ГРУППА ОСОБОГО РЕЗЕРВА

Михаил НЕСТЕРОВ

Марковцев

Михаил Нестеров
Группа особого резерва

«ЭКСМО»

2009

Нестеров М. П.

Группа особого резерва / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2009 — (Марковцев)

Сотрудники спецназа ГРУ Сергей Марковцев и Виктор Сеченов знают друг друга много лет. Их связывает работа в «группе особого резерва» – боевом ядре организации, – созданной по указу президента. Марковцев принимает предложение Сеченова и берется реализовать план похищения денег из грузового самолета – дело, требующее навыков опытного десантника. Противник Марковцева – извечный конкурент военной разведки – ФСБ. Контейнеры с миллионами долларов уже на земле – нужно только открыть их. Но Марковцева и его диверсионную группу ожидает большой сюрприз. И все приходится начинать сначала...

© Нестеров М. П., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Нестеров

Группа особого резерва

Автор выражает признательность Омари Калияеву – за поддержку в написании этой книги.

Эта книга основана на реальных событиях, однако сюжет и персонажи вымышлены. Всякое сходство с действительными лицами чисто случайное. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Глава 1

Последний боевик

Лето 2008 года

Сергею приснился рыжий кот, который лазал по железобетонным столбам, как по деревьям. А он никак не проявил себя в этом сне, только наблюдал в стороне за головокружительными кульбитами кота. Вот рыжая бестия забралась на самую верхотуру и оседлала изолятор с высоковольтным проводом, который тотчас с треском заискрил. И еще, и еще раз. Сергей не сразу сообразил, что слышит телефонный звонок. Он, глянув на экран, первым делом отметил время – полседьмого утра; высветившийся номер телефона, заканчивающийся на 7551, ему не был известен.

– Да, – хриплым со сна голосом ответил он на звонок, привставая на кровати. Мысленно представив себе падающую звезду, загадал желание: «Кто бы ни звонил, пусть ошибется номером». Его манила подушка, налитые свинцом веки тянули голову вниз.

– Сергей?..

– Да. Кто это?

– Сергей Марковцев?

Он тут же помянул бога, попеняв тому: «Ты тоже спишь?»

– Да, он самый. С кем я разговариваю?

– Это Виктор Сеченов. Помнишь такого?

Марковцев встал с кровати и прошел с телефоном на кухню, бросив в трубку: «Одну секунду».

«Тот ли это Виктор Сеченов?» – думал он, несвойственно для себе оттягивая время. Последний раз они виделись десять или одиннадцать лет назад. Да, одиннадцать – в 1997 году. В ту пору Сеченову, одному из самых молодых членов команды Марковцева, едва исполнилось двадцать три. Стало быть, сейчас ему тридцать четыре. Это была единственная полезная мысль, которую он выжал из своих полусонных мозгов.

Он открыл холодильник, достал бутылку минеральной воды и отпил из горлышка. И только после этого возобновил разговор:

– Хочешь встретиться?

– Да, на это я и рассчитывал.

– Ты знаешь мой номер телефона, значит, и адрес тоже. Жду тебя в девять.

С этими словами он закончил разговор, нажав на клавишу отбоя. Если у Сеченова дело срочное, он перезвонит. Марковцев отмел мысль о срочности по той причине, что срок в два с небольшим часа канул в одиннадцатилетней бездне. Одиннадцать лет разлуки, хмыкнул Сергей, зажигая газ под чайником. Хотел было отвлечься, но тщетно. Он чистил зубы, глядя на свое отражение в зеркале, и представлял облик Виктора. У него был отнюдь не мужественный подбородок – длинный и острый, глаза – серые, свинцовые, взгляд тяжелый, но он добрел, едва его чуть полноватые губы трогала улыбка. Еще в ту пору Сергей подумал о том, что лицо Виктора Сеченова склеено из трех частей, принадлежащих разным людям. По прошествии времени это чувство только усилилось. Он не сомневался в том, что время усугубило каждую черту его бывшего подчиненного.

Сеченов встряхнул Марковцева, вернул его в порядок подзабытое состояние, называемое ожиданием. И он боялся обмануться в надеждах, о которых, правда, не имел представления. Это все равно что ждать обещанного подарка. Ты знаешь и день, и час, и человека, пообещавшего прийти, но не представляешь, что именно будет в его руках, когда ты откроешь дверь и вступишь в квартиру.

Что может подарить тебе человек, которому ты однажды дал задание убить человека, и неважно, что человеком он только числился? Марковцев уже начал забывать, что именно Виктор Сеченов ликвидировал полковника милиции Зарецкого, одного из руководителей преступного сообщества, в котором Сергей Марковцев возглавлял группу особого резерва. Сеченов считался хорошим стрелком, даже очень хорошим, вспоминал Марк, прикуривая первую сегодня сигарету. Из какой же винтовки он хлопнул полковника? Сергей наморщил лоб. Ах да, она была из той партии, которую он лично переправлял из Эстонии в Россию, и среди десятков единиц оружия она была единственной и неповторимой. Очень жаль, что из нее было сделано всего два выстрела на поражение. Она называлась «МЦ-116М» и по точности превосходила, пожалуй, самую известную в России «СВД». Виктор Сеченов стрелял из окна квартиры на третьем этаже. Первая же пуля убила Зарецкого, но Сеченов отработал на бис, передернув затвор стреляющей одиночными выстрелами винтовки, и вторая пуля пробила голову уже мертвого человека.

Последние месяцы Сергей что-то сильно заскучал. В его послужном списке значилось четыре побега. Он давно готовил пятый, но не мог представить, как сможет сбежать из собственной квартиры, которую вынужденно называл домом, как сможет убежать от себя и своего настроения; сможет ли скрыться от своей надзирательницы по имени Хандра.

Он прибрал постель, открыл балконную дверь – проветрить комнату; он до сего дня не мог объяснить, почему недолюбливал настежь распахнутые балконные двери; он если и открывал их, то ненадолго.

Когда ровно в девять раздался звонок, Марковцев, открыв дверь, мог опередить Сеченова: «А ты ничуть не изменился». Но эти слова первым произнес гость.

Они обменялись рукопожатием – так, как будто расстались вчера поздно вечером.

– Давай проходи, – хозяин закрыл за гостем дверь и принял полиэтиленовый пакет. – Что там у тебя?

– Кое-что с буржуйского стола, – ответил Виктор, искренне улыбаясь.

– И точно, – согласился Сергей, выставляя на стол бутылку дагестанского коньяка, ананас, груши.

Сеченов выглядел респектабельно. Отличный темно-серый костюм, однотонная рубашка и в цвет к ней галстук. Он ослабил его узел, а пиджак повесил на спинку стула.

Марковцев мог по пальцам пересчитать боевиков своей команды, носящей название «группа особого резерва», – тех, кто остался жив. Сеченов словно подслушал его мысли.

– Не ожидал увидеть меня? Думал, я мотаю срок?

– Я забыл про тебя, – честно ответил Сергей.

Он открыл бутылку и разлил коньяк в небольшие пузатые бокалы. Они выпили, не чокаясь.

– Ты все такой же мрачный, нелюдимый, – Сеченов посмаковал и коньяк, и свои наблюдения разом, чтобы получилось неповторимое послевкусие этого необычного коктейля.

– Вижу, тебя это устраивает, – подтвердил свою наблюдательность Марковцев. И усмехнулся так, как умел только он. – Может, ты приступишь к делу, пока я не начал изображать смертельную скуку?

– Ну смертельную скуку ты изображал до моего звонка.

– Ну и?.. – Сергей оценил не столько смекалку своего бывшего подчиненного, сколько его реакцию.

– Помню, ты любил поговорку, присказку, не знаю, как сказать: «Вот игра, а вот правила».

– Столько лет прошло... Обычно после таких присказок-поговорок, суливших сундуки с золотом и бессонные ночи с юными креолками, я возвращался в свой монастырь, запирался в келье, открывал копилку, доставал валенок и натирал до блеска медяки.

– К чему это ты сказал, не пойму?

– В этом-то и проблема, Витя. С тех пор в ходу другая поговорка: «Интересные роли пишут для молодых». – Сергей сменил тему: – В *моем* отряде, – легко акцентировал он, – было два человека по имени Виктор. Ты и Толкушкин.

– Я слышал, Толкушкин плохо кончил, – кивком головы подтвердил Сеченов, откинувшись на спинку стула.

– Его кончили Качура и Ещеркин, – внес ясность Марк.

Сеченов рассмеялся и прокомментировал:

– Я знаю их, как собственный геморрой. Самые бесстрашные в нашей команде.

– По причине тупости, – снова пояснил Сергей. – Они задушили Толкушкина в подвале котельной, где Витя прятался от меня. Ты в это время парился в СИЗО. – Так Марковцев потихоньку добрался до вопроса, который Сеченов озвучил в самом начале разговора. – Так что тебя спасло от срока?

– Компания, в которой я оказался белой вороной, – последовал ответ.

Марковцев понял его и не стал требовать объяснений. Виктор Сеченов был выходцем из спецподразделения контрразведки, и, чтобы группа обвиняемых в заказных убийствах не носила приставку «интер», его убрали из процесса. Тогда сроки получили только бывшие бойцы спецназа ГРУ. А Сеченова его благодетели с Лубянки прибрали к рукам. Так получают выгодные посты проворовавшиеся мэры и губернаторы. К Сеченову применили простенькую, испытанную временем схему, и Марковцев не мог ошибиться в своих рассуждениях. Что и прочитал на лице Виктора.

Сеченов вынул из кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и передал хозяину со словами:

– Недавно нашел в Интернете статью – можно сказать, о нас. Давнишняя статья, из газетных архивов.

Сергей машинально начал с того места, где увидел свою фамилию. «...подполковник ГРУ Сергей Марковцев стоял во главе боевого ядра криминальной организации „ГРУппа „Щит“, чьим делом занималось московское управление по борьбе с организованной преступностью. „Щит“ был создан по указу Президента и министра внутренних дел России за номером 117-РПМ от 11 ноября 1992 года, в котором утверждалось создание, регламентировался порядок присвоения этой тайной организации званий офицеров внутренних войск... Равно как и указ главы страны, этот документ оказался поддельным... Задачи организации: „получение полной и достоверной информации оперативнее госведомств России и СНГ, внедрение сотрудников в органы власти, сбор информации из теневых структур, составление списка «нежелательных» граждан, физическое устранение лидеров преступных группировок“.

– В отставке, – Марковцев вернул записку, распечатанную на девственно белом листе бумаги, на котором незримо присутствовали желтоватые водяные знаки времени.

– Что? – не понял Сеченов.

– Подполковник в отставке. Однажды я сказал одному человеку: «Я тоже немало напакостил в этой жизни, но прежде я уволился из Вооруженных сил».

– Для тебя это было важно?

Марковцев пожал плечами: «Разве и так не понятно?»

Виктор, в свою очередь, разлил коньяк и произнес тост:

– За тебя, Марк. За ставку, которую я делаю на тебя.

У хозяина квартиры появилось необоримое желание заржать, как лошадь, и попутно переиначить поговорку: «Хорошо ржет тот, кто ржет последним».

Не меняя позы – все так же прислонившись к спинке стула, Сеченов приступил к делу:

– Я работаю на «Фирму»...

Марк мысленно покивал: «Я не ошибся в своих рассуждениях».

– ...в отделе, завязанном на безопасности некоторых столичных банков.

– Говорят, что те, кто имеет дело с чужими деньгами, сходят с ума.

– И они правы, – глубоким кивком подтвердил Сеченов. – Ты можешь считать меня сумасшедшим, но я твердо решил кинуть «Фирму».

– У нее есть название?

– Я его уже дважды произнес, – рассмеялся Виктор.

– Что – фирма «Фирма»? – с недоверием спросил Марковцев. – Прямо как газета «Газета». У этих компаний часом не один редактор?

– Конечно, в названии есть своя подоплека. Во главе «Фирмы», деятельность которой – бизнес-разведка, стоит выходец из контрразведки, генерал Юрий Коротков.

– Не слышал о таком, – покачал головой Сергей. – Что дальше?

– На решение назвать так свое предприятие повлияла реклама стирального порошка. А точнее, вопрос из какой-то телевикторины. Один предприимчивый бизнесмен обеспечил себе бесплатную рекламу, начав выпускать стиральный порошок под названием «Обычный». Генерал пошел бы дальше. В его голове родилась простая комбинация: он выпускает порошок под названием «Обычный», а потом подает в суд на рекламные компании, которые, мягко говоря, критикуют его продукцию: «...А вот рубашка, выстиранная обычным порошком». Тогда он, размышляя над названием своей фирмы, в шутку назвал ее «Обычная фирма», а спустя какое-то время отбросил лишнее слово, которое на ниве свежести могло бы принести ему дивиденды. Сочетание фирма «Фирма» не звучало, оставалось звучным только одно его «упоминание» и было, черт возьми, солидно.

Марковцев не разделил телячьего восторга гостя и кисло улыбнулся. Вообще фирмами было принято называть в первую очередь организации, имеющие отношение к разведке. Он вернул молодого товарища к теме разговора:

– Итак, ты решил кинуть «Фирму». – Он выдержал паузу, за время которой чуть выкатил глаза: – На крупную сумму?

– На очень крупную, – глубоким кивком головы подтвердил Сеченов. – Я планирую сорвать куш во время перевозки денег.

– На бронированном автомобиле? – попробовал угадать Марк. И не мог не отметить, что Сеченов изменился в лице. А дальше – больше: он не сразу смог ответить на простой вопрос. В общем, выглядел как человек, которого застали врасплох.

– На грузовом самолете...

– Я давно не занимаюсь такими вещами. Над тобой кто-то подшутил, Витя.

– Хорошо, – сказал Сеченов, вставая и благодаря хозяина за гостеприимство. – Примешь или не примешь ты мое предложение, но в любом случае видеться мы будем редко. При рас-

кладе, на который я рассчитываю, будешь в полном контакте с моим человеком. Ему можно доверять.

– Разумеется. Он молодой?

Сеченов на секунду нахмурил лоб:

– Ему столько, сколько было мне в 1997 году.

– А нормально ты ответить не мог, да? Теперь вот высчитывай...

– Встретимся завтра и поговорим более детально, идет?

Когда Сеченов ушел, Марковцев мысленно восстановил долгий разговор. У него была хорошая память, и он воспроизвел все до слова. Когда Виктор сказал, что деньги будут перевозить на самолете, Марк мысленно воскликнул: «Оп!» Это был щелчок, по сути. Он хорошо изучил свои мозги и точно знал, что в такие моменты в их сложной схеме включается реле и перенаправляет мысли в другое русло. Тот момент стал переломным, и Марковцев целиком и полностью погрузился в дебри операции. Нет, начало планирования боевой операции нельзя было назвать чистым листом бумаги, в противном случае Марк чесал бы над ним голову. Начало планирования – это непролазные дебри, которые нужно очистить от валежника, сухостоя, бурьяна, чтобы увидеть всю красоту леса. В такие моменты Сергей был похож на скульптора, который отсекает от камня все лишнее. Свое состояние он сравнил с освобождением, чуть позже поменял мнение: нечто схожее он испытывал после побегов из мест заключения. В общем и целом это называлось чувством свободы, чувством полета, что наиболее полно подходило к характеру операции. Пожалел ли он о том, что контактировать с Сеченовым ему придется крайне редко, – это вряд ли. Честно говоря, ему по душе пришелся другой вариант – быть в полном контакте с одним из его людей. Совсем другой человек, непохожий на Виктора, но Марку так было легче. Он забегал вперед, однако плевал на это.

Как и вчера, сегодня Сеченов оставил после себя запах дорогого одеколona, стойкого, как авиационный керосин. А кроме того, оставил в душе Марка странное чувство чужого присутствия. Оно усилилось, когда хозяин квартиры снова занял место за столом и мысленно воспроизвел заключительную часть разговора с Виктором Сеченовым.

Сеченов набросал на листе бумаги простенькую схему, которая, однако, охватывала и центр Москвы с центральным для заговорщиков зданием банка «Русский дом», и пригород столицы – Домодедово. Над этой бумагой сейчас и склонился Марковцев. Он четко представлял некоторые здания и объекты на пути бронированной машины к аэропорту. В голове прозвучал голос Сеченова – прежний голос, только прибавилось в нем сухости:

– Операция назначена на шесть часов пятнадцать минут. К банку на своей машине приедет управляющий. В сопровождении охраны. Я в это время буду находиться внутри банка, образно говоря – сидеть на мешках с деньгами. Несколько служащих банка под присмотром охранников и сотрудников «Фирмы» будут заняты пересчетом и упаковкой денег в спецконтейнеры. Директор «Фирмы» распорядился сделать непрерывную видеозапись и начать ее, как только мы перешагнем порог банка, а закончить, когда нас откроют. Для этого нам выдадут три видеокамеры, которыми мы будем снимать по очереди и непрерывно. Это оперативная съемка. Плюс нам сделают копии записей с видеокamer наблюдения, установленных в самом банке и, разумеется, в спецхранилище, где и пройдет основная работа. Я был в том помещении. Глухое, полностью бетонированное, воздух кондиционированный, связи с внешним миром никакой. На время этой операции в банке временно установят генератор, назначение которого – глушить сотовую связь в пределах выделенных помещений.

– К чему такая секретность? Перестраховка на перестраховке. Тотальный контроль за сотрудниками. Все деньги не украдут, а вот мелочь можно по карманам распахать. Только ради предотвращения мелкого воровства устраиваются все эти меры предосторожности?

– Есть такое слово – «отчетность», – возразил Сеченов. – Но оно не все сможет объяснить. Перестраховка – ты прав. И она, мне кажется, сродни отчетности.

– Давай расставим все по местам. Насколько я понял, «Фирма» предоставляет банку инкассаторские услуги. Это в то время, когда сам банк лопается от собственной безопасности. Плюс страховщики со своей безопасностью.

– Подобные предложения поступают от банков не так редко. Да, они бизнес-разведку проводят сами, и вполне успешно. Но в случае каких-либо разборок не хотят, чтобы у них копались. Они делают «маскирующий договор»: банк поручает некоторые проверочные или инкассаторские операции «Фирме» Короткова. Сегодня это обычная практика.

– Вернемся к делу.

– Хорошо. После процедуры проверки управляющий банком и его помощник закроют и опечатают контейнеры. Их установят на специальные поддоны, которые поставляются в комплекте, погрузят в бронированную машину, и она возьмет направление на Домодедово, по Каширскому шоссе, никуда не сворачивая. Сопровождение будет солидное. От банка до аэропорта тридцать пять километров, значит, время в пути займет полчаса. Причем четверть часа уйдет до Московской кольцевой.

– Понятно.

– Машины въедут на территорию аэропорта через охраняемые ворота. Они откроются, чтобы пропустить три машины: бронированную с контейнерами, представительский «Ауди» с шефом и машину с курьерами.

– Сопровождающий персонал?

– Да. Уже утвердили кандидатуру старшего курьера. Это Роман Кудрявцев.

– Дальше.

– Всего курьеров будет трое или четверо. Под их присмотром контейнеры погрузят в самолет, они займут места в кабине для сопровождающих, самолет поднимется в воздух и возьмет курс на восток. Все.

– Все?.. Я мало что понял.

– Сначала начать?

«Начало никогда не находится там, где мы рассчитываем его найти», – припомнилось Марку. Он задал Сеченову длинный вопрос, формулируя его по ходу своих рассуждений:

– Почему в банке, этом защищенном от всех видов посягательств здании, ведется оперативная видеосъемка, работает генератор, подавляя сотовую связь, а вне стен хранилища, где опасности на каждом шагу, безопасность ограничивается кортежем – машинами сопровождения? Или ты чего-то не знаешь? – Он пресек попытку Сеченова ответить. – Дальше. В самолете минимум охраны – четверо, ты сказал.

– А куда больше? Что смогут охранники, если самолет начнет падать? Махать руками?

– Я тут подумал о том, что посредством этой суеты вокруг денег исполнителей хотят упрятать за решетку. Допустим, я дал согласие. Но я маленькая сошка и недостойн такой роскошной и дорогостоящей постановки. Ты, Витя, еще мельче. Других действующих лиц попросту не существует. На это что скажешь?

– Знаешь, Марк, я был очевидцем подобных представлений, по сути своей – бесцельных, рассчитанных на внешний эффект. Фантазия и ресурсы устроителей заканчивались одновременно, и красочным выходил лишь первый акт спектакля. Зачастую так всегда и бывает. Некто, зараженный энтузиазмом, видит провал слишком поздно и оставляет все как есть, недоделанным. По всей России так.

И вот, когда Сеченов ушел, Марк мысленно обратился к нему: «Наше начало лежит не в банке, а в аэропорту, подальше от того, что мы с тобой назвали перестраховкой». На плане, где длинной прямой была обозначена дорога, Сергей набросал контур самолета и обвел его жир-

ным кругом, словно взял в кольцо. Главным аргументом этому послужило время. Его хватало с избытком на борту самолета, но не было на других участках пути.

Глава 2

Напарник

Марковцев познакомился с одним из людей Сеченова на следующий день. Он тоже знал его адрес, но Марк не планировал превратить свою квартиру в блатхату или штаб-квартиру, хоть и проживал он в Филях. «Он – это она?» – припомнилась ему полунемая сцена из «Пятого элемента». Марк скрыл легкую оторопь за чуть грубоватой фразой:

– Мой лечащий врач снова прислал мне санитарку.

– Вы Марковцев?

– Ага. А ты?..

– Называйте меня Катериной.

Он не преминул отметить:

– Екатерина без «Е», как Сергей без «С».

– Так записано в моих метриках, – ответила девушка, и по ее глазам, пронизывающим его насквозь, Марк понял ее желание пройти в квартиру, оттеснив его своим хрупким плечом. «Настырная девица».

– Катерина – это, наверное, модно, – предположил он. – А тебе, наверное, оно позволяет полностью войти в образ.

– Это чуть покороче, чем Екатерина, – она сблизила пальцы и через образовавшийся просвет, как тараканиха из щели, посмотрела на Марка. – Только и всего.

– Да мне по барабану, – пожал плечами Марковцев, продолжая держать гостью на пороге квартиры, испытывая ее терпение. – Может быть, у тебя фамилия покороче?

– Май-ор-ни-ко-ва, – по слогам произнесла она и, сопровождаемая насмешливым свистом Марка, прошла в прихожую. Пока хозяин закрывал дверь, гостья устроилась на софе, которая раскладывалась в длину, а в сложенном положении просилась называться двухместным креслом. Справа от себя она положила стильную кожаную сумочку, замок которой был открыт.

– Что ты прячешь в сумке? – спросил наблюдательный Марк. – Пистолет?

– Перцовый аэрозоль.

Марк цокнул языком:

– Ты что-то пропустила, изучая мое досье.

Катя достала сигареты и зажигалку и прикурила, попросила пепельницу жестом – ища глазами, куда бы стряхнуть пепел.

– Мы твой случай в академии изучали.

– Какой именно? Со мной много чего случалось.

– Имеется в виду твоя монашеская жизнь и работа на члена Совбеза Бараева. Ты брал заложников и держал их в монастыре до тех пор, пока за ними не придет Бараев или его люди.

– Да, Свято-Петров монастырь был хорошей крышей, работа – дерьмовой. Временами казалось, что монашество мне на роду написано. Работаешь на «Фирму», – спросил Сергей, меняя тему разговора, – или рядом ошиваешься?

– Работаю.

– В одной упряжке с Виктором?

– Вообще-то мне...

– Отвечай, – с нажимом сказал Марковцев.

– Да.

– Знаешь причины, по которым Сеченов отказался от планирования операции и контактов со мной?

– У него нет времени на это, – ответила она.

– Можешь не продолжать. Сеченов на этом строит себе алиби: его распорядок дня не поменяется, не прибавится незапланированных встреч, и вообще ничего, что бы вызвало подозрения в его окружении. Когда все всплеснут руками – батюшки, деньги пропали! – он разведет руками: и минуты свободной не было. И ему поверят. Он сказал тебе, чтобы ты не относишься ко мне, как к наемнику?

– Это на мое усмотрение.

– Ты думаешь, что любого человека можно купить?

– Да, я так считаю.

– Иначе не работала бы на «Фирму», – вставил Марк. – Отлично – вы меня купили. Теперь я работаю на вас. Сколько человек в доле?

– Пока точно не определились. Думаю, до шести человек. Вместе с тобой.

– Значит, в доле шесть человек. Назови мне свою долю, и я назову долю твоего начальника, – чуть тише сказал Сергей.

– Что?

– Мысли вслух. Кто будет пробивать этих людей на благонадежность? Какие посты и должности они занимают? Меня интересуют их возможности и то, что называется «через их возможности». погоди, не отвечай. Мы знаем точную дату вылета самолета с грузом. Кстати, я забыл уточнить марку самолета.

– «Ан-12».

Марковцев коротко рассмеялся. Постучав концом сигареты по краешку стола, будто папиросой, он прикурил.

Катерина была вынуждена внести существенные поправки:

– У нас есть наработанные связи в Домодедово. Порядка десяти человек, которых мы можем взять в долю. Запугивание и прочие варианты не работают.

– Расскажешь о них чуть позже. Я хочу узнать побольше о «Фирме», чем, кроме инкассации, она занята.

– В двух словах не получится.

– Я и не прошу в двух словах.

Катерина с минуту настраивалась.

– Если ты работаешь в сфере бизнес-разведки, то для тебя не существует запрещенных приемов, – начала она. – Существуют несколько способов добывать информацию. Первое – СМИ. Сбор, изучение информации из журналов, газет, справочников, сайтов, посвященных производству продукта, который тебя интересует. Например, это воздушные шары. Можно купить стратегические данные по объемам производства, импорта и экспорта воздушных шаров. На втором месте – потребители. Нужно поинтересоваться у потребителей о качестве воздушных шаров. Попросить оценить «соответствие цены качеству». При этом неважно, о каких потребителях идет речь. Даже домохозяйки готовы поделиться опытом использования продукта.

Третье – торговые посредники. Какая-то часть воздушных шаров наверняка будет продаваться через оптовых или розничных посредников – обладателей той или иной информации о своих поставщиках. Дальше – персонал компаний-конкурентов. Можно совершить в этих компаниях покупку или провести интервью с соответствующей легендой. Тот источник информации будет совершенно легален, поскольку в ходе исследования будут получены только добровольно раскрываемые данные. Еще один способ – добровольный обмен информацией между конкурирующими компаниями.

– Попахивает утопией, – заметил Марк.

Катерина не согласилась с ним, покачивая головой:

– Это не утопия. Рост конкуренции на рынке ведет к постепенной консолидации: компании укрепляются, поглощают мелких игроков, и в конце концов количество участников рынка сокращается до трех-пяти концернов, контролирующих основную долю в общих продажах.

– Я так понял, что ты «сидишь» на добыче.

– Да, я занимаюсь «покупкой инсайдерской информации».

– Что это значит, объясни.

– В конкурирующей организации всегда найдется работник, готовый сливать информацию за деньги. Альтернативным методом является внедрение сотрудника в компанию, и он, заручившись доверием руководства, получает доступ к нужной информации. До «Фирмы» я работала в управлении контрразведки и знаю эту систему наизусть. У Короткова я стала курировать внедренных в различные компании сотрудников. Поверь мне, с помощью промышленного шпионажа добывается подробная финансовая информация, данные о стратегических и тактических планах компаний, описание технологий и эксклюзивных методик, информация о новых разработках, базы данных клиентов и поставщиков, сведения о готовящихся заказах и условиях перспективных контрактов. Информация позволяет завладеть определенными уникальными технологиями, информационными ресурсами. Информация – это борьба, это деньги.

– Из твоего рассказа следует, что штат в «Фирме» готов лопнуть.

– Я бы так не сказала. Много внештатных сотрудников, которые выполняли схожие задания, есть такие, которых можно отнести к категории разовых.

– С Коротковым ты лично знакома?

– Нет, – покачала она головой. – Несколько раз видела. Он в моем понятии небожитель. На чем мы остановились?

– Ты хотела рассказать о наработанных связях в Домодедово.

– Да, остановлюсь на двух кандидатах. Игорь Вдовин, – начала перечислять Катерина, прикуривая от зажигалки Марковцева, и поблагодарила его кивком головы. – Тридцать два года. Работает на компанию «Омикрон» – лидер на рынке транспортно-экспедиционных услуг. Заведует складом. Попал под наш контроль, будучи замешанным в махинациях с запчастями, предназначенными для авиасалона. Николай Любищев. Собственно, партнер Вдовина. Его специальность – экспедитор. Сопровождает грузы, которые требуют этого.

– Сильно сказано. Эта пара на крючке у вас?

– Да, и мы не торопимся ее подсекать. Подсечем, когда появится конкретный интерес к авиасалону или авиакомпании.

Марковцев некоторое время молчал, теребя короткую бородку.

– Уточни у Сеченова один момент. Самолет, на котором планируется перевозка денег, зафрахтован полностью...

– Я проясню этот момент, не вставая с места, – перебила Катерина. – На борту «Ан-12» будет еще одна партия груза. Точно знаю, что запланирован возврат документации в архив Петропавловска-Камчатского.

– Много мест?

Она пожала плечами:

– Несколько контейнеров. Семнадцать или девятнадцать, нужно уточнить.

– Кто будет сопровождать этот груз?

– Насколько я знаю, сопровождающих не будет. Транспортные накладные и прочие бумаги примет бортоператор экипажа.

– Кто может настоять на том, чтобы архив сопровождал хотя бы один человек?

– Принимающая сторона – городской архив Петропавловска.

– Это было бы здорово... и слишком просто, – покачал головой Марк, видя себя сопровождающим. – Вот что, Катя, переговори с кладовщиком и экспедитором. Если не уверена,

переговори сначала с Сеченовым. Потом настанет моя очередь. А теперь давай разрешим еще один момент: на Камчатку везут крупную сумму наличных долларов – зачем?

Катерина выставила вперед ладонь, как если бы отгораживалась от назойливого соседа по купе, и расслабила пальцы; фактически она повторила свой недавний жест, когда Марковцев держал ее на пороге квартиры.

– На Камчатке развита рыбная промышленность, это несколько ведущих компаний. – Она начала загибать пальцы, перечисляя их: – «Управление тралового и рефрижераторного флота», «Океанрыбфлот», «Акрос» и другие. Речь идет о покупке одной из компаний. Условия сделки – часть оплаты наличными. Собственно, то, о чем я только что сказала: поглощение мелких игроков, сокращение числа участников рынка, которые и установят окончательный контроль в общих продажах. В числе прочих в этой процедуре участвует и банк «Русский дом», и наша фирма. Хочешь поговорить на эту тему?

– Ты прямо как психиатр.

– Как психиатр, – повторила Катя. Она чуть было не полезла за блокнотом, в который выписала ряд вопросов, требующих ответов. Просто необходимо, чтобы Марковцев ответил на них. И она задала первый:

– Что такое новый проект?

Марк не стал отвечать. По интонации гостья поняла, что она все разъяснит сама.

– Это море работы. Это смута. В случае успеха – лавровый венок. В случае неудачи – венок хвойный. Как бы ни готовился проект, риск все равно останется. Я говорю о человеческом факторе. – И она перешла к этому вопросу: – Из кого будет состоять команда? Почему именно эти люди вошли в нее, смогут ли они согласованно работать? Кто принимает окончательные решения для осуществления проекта? Кто будет работать руками, а кто головой?

– Я буду работать головой, – внес ясность Марковцев. – Остальные будут работать руками. А я прослежу за тем, чтобы никто не слонялся без дела.

– А если я...

Марк перебил ее:

– Если ты сама себе начнешь нарезать объем работы, то в конце концов начнешь давать оценку другим. Грызня начинается там, где сотрудники начинают давать свою личную оценку, кто больше сделал, кто круче. Я буду создавать правила игры и контролировать их. Ты права: наш проект требует специфических навыков. Но характер у него скоротечный – сделали дело и разбежались. Поэтому до обид дело не дойдет – времени не хватит.

Наступила пауза, нарушить которую Марк предоставил гостье. Катерина несколько секунд смотрела на Марковцева в упор, не мигая.

– Скажи, Марковцев, только честно.

– Обещаю.

– Вот ты был настоятелем монастыря, пусть даже это была личина, не важно. Но ведь ты молился богу, так?

– Конечно, – утвердительно кивнул Марк.

– Какие молитвы ты адресовал богу? Что просил у него? Надеялся ли на то, что твои молитвы будут услышаны? Были ли у тебя любимые молитвы?

– Выходит, экзамен по моей теме ты не сдала, – с деланным разочарованием вздохнул Марк.

– Пожалуйста, – настояла на ответе Катерина, однако взгляд ее голубых глаз потеплел.

– Любимые молитвы, говоришь? – усмехнулся Марковцев. – Помню одну, которую слал в небесную канцелярию ежечасно. – Он сложил ладони вместе, прикоснулся губами к пальцам и прикрыл глаза. Его голос прозвучал на удивление мягко: – Господи, сделай так, чтобы мои монахи снова любили друг друга. И чтобы делали это поразнообразней, а то от скуки сдохнуть можно.

«Если бы на дворе стояли 60-е, если бы я училась в школе и если бы у меня был пышный бант на голове, я бы врезала ему по голове учебником».

– Знаешь, – после непродолжительной паузы сказала Катя, – я отметила вот что: ты не играешь роль. Мне ты кажешься таким, какой есть на самом деле. Ты можешь сказать: «А ну-ка, подруга, давай ближе к делу». Но и мне интересно ближе узнать человека, с которым придется работать. Изучить тебя – еще до того, как ты выложишь на стол готовый план.

– План по ограблению банка, – уточнил Марк. – Называй вещи своими именами. Вместе с вами я планирую ограбление банка – ни больше ни меньше. И неважно, где пропадут деньги – в самом банке, на подходе или на подлете. Не забывай добавлять это, когда будешь говорить «план», «операция», «инструкция». Или проект, – акцентировал он. – На все про все у нас две недели, да?

– Точно, четырнадцать дней. Тринадцать уже.

– Не выйдет у меня, не выйдет и у вас.

– Что тебе нужно для работы? По ограблению банка, – добавила Катя.

Сергей рассмеялся:

– Консультации высококлассного летчика. Но не военного, а пилота гражданской авиации. Мне лишние детали, которые может выложить военный ас, не нужны.

– У нас в доле нет летчика.

– Повторяю: мне нужны консультации. Летчик, который ответит на несколько вопросов и уточнит кое-какие детали, не услышав ни слова об ограблении.

– Хорошо.

– Хорошо что? Что коровы не летают? Как бы я с ней уточнял детали?

– Будет тебе специалист по гражданской авиации. Что еще?

– Я рассчитываю получить напарника, который наравне со мной готов рискнуть головой.

На его надежность я не рассчитываю – только на *равноправность*, – слегка акцентировал Марк, и Катя сразу вникла в суть этого слова, в логику Марка, показавшуюся ей непогрешимой, и подумала: «А ведь он прав». Она решила объяснить ему некоторые вещи прежде, чем ответит на его вопрос:

– Наши компаньоны не занимают высокие посты. Все они – ниже среднего звена. Если кладовщик, то кладовщик, а не заведующий складской организацией. Если экспедитор, значит, так оно и есть, а не командующий экспедиционным корпусом.

– Мне будет приятно иметь дело с такими людьми. Особенно меня польстит откровение, если ты скажешь, что не пахала на ФСБ, а сейчас не работаешь на фирму генерала от контрразведки. Ты просто с кинжалом и плащом вышла погулять. Не валяйте дурака, – Марковцев чуть повысил голос. – Не стройте организацию – все такие начинания обречены на провал. Я предлагаю иную структуру – группа людей, которые забудут друг о друге сразу после того, как получат свою долю.

– А как же...

– Никаких клятв, – предвосхитил Марк вопрос Катерины. – Когда человек дает клятву, он подсознательно идет по пути ее нарушения.

– Точнее, думает о последствиях, – покивала Катя.

– Это одно и то же. Если пригрозить смертью, человек предаст, плюс варианты. Не надо забивать людям голову. Чем больше пустоты в ней, тем лучше. Каждый мысленно распишется на чистом листе бумаги. Это мои условия.

Марк прикурил сигарету и продолжил:

– Почему я заговорил о напарнике. Мне нужен человек, с которым общаться буду чаще, чем с другими. Я рассчитываю на помощь. Чтобы я вытянул руку и тотчас почувствовал руку товарища. Чтобы в меня не тыкались десятки рук, не было споров о том, чья очередь подавать руку Сергею Марковцеву.

– Ты высокого мнения о себе.

– И я хочу, чтобы вы это поняли. Я никогда не был в роли человека, которого подняли с горшка: «Ступай-ка, засранец, рискни башкой».

– Что скажешь насчет меня? Я тебе подхожу?

Она была убедительна. И Сергей рискнул предположить, что она участвует в самостоятельности. Она едва пересиливает желание встать и пройти по комнате, покачивая бедрами, показывая себя. Потом он отчего-то представил ее в бассейне. Она доплывает до одного борта, переворачивается в воде, отталкивается от него ногами и плывет к другому. На ней не открытый, а «нормальный» закрытый купальник.

Он тряхнул головой, словно сам сию минуту вылез из бассейна.

– Считаешь себя моим куратором? – спросил он Катю.

– В какой-то степени.

– Времена меняются?

– Я так не думаю. У тебя же была куратор женщина. Не подумывал вернуться к ней?

– Хм... – Сергей покачал головой. – Вы и это знаете. Я дважды возвращался. Я просто хочу пожалеть ее. – Прикурив и выпустив дым через нос, Сергей сказал: – Нужно сделать вот что. Во-первых, купить в специализированном магазине или на рынке... – Он выдержал паузу, за время которой убедился, что Катерина не полезла за записной книжкой и авторучкой, и мысленно похвалил ее: «Молодец. Отныне ничего записывать не надо». – Имеешь представление о генераторе шума? – спросил он.

– Глушитель. Он же блокиратор радиоволн, – кивком головы подтвердила Катя.

– Наплевать, как он называется. Главное, принцип работы, основанный на постановке помех. Мне понадобится довольно мощный генератор. Говоря техническим языком, для работы в пределах выделенных помещений. Наше летающее помещение в длину составляет тридцать три метра, в высоту – одиннадцать с половиной. Размах крыльев, – Сергей раскинул руки, – тридцать восемь.

«Взлетная масса – шестьдесят четыре, посадочная – шестьдесят одна тонна, крейсерская скорость – пятьсот семьдесят километров в час».

Он походя припомнил параметры самолета, на борту которого ему придется работать, и вдруг подумал, что невидимый закройщик снимет с него мерки...

«Ан-12». Сергей хорошо был знаком с этой маркой самолетов, принятой на вооружение за год до его рождения – ровно пятьдесят лет тому назад. Они использовались в качестве летающих лабораторий для испытаний системы приземления спускаемых аппаратов космических кораблей, исследования средств обнаружения пусков ракет, лазерного облучения и оперативной радиотехнической разведки, испытания новых средств поиска подводных лодок. Большой грузовой люк обеспечивал лучшие условия *воздушного сброса груза и военной техники на парашютах*. Марковцев подошел к этому моменту не спеша, словно смакуя детали. Бывший десантник знал парашютное дело назубок. Он не раз совершал прыжки с самолета, готовил технику к выброске. «Ан-12» он мог считать своим... «табельным» самолетом – подобрал он определение.

Он легко вернулся к теме разговора, напомнив Кате принцип подавления радиочастот, основанный на постановке помех приемному каналу радиостанции и сотовому телефону. В первом случае это радиочастоты: амплитудная – АМ, частотная – FM, однополосная – SSB. Что касается сотового телефона, то принцип подавления его канала был основан на постановке узкополосной помехи.

– Сегодняшняя программа исчерпана, – сказал он, вставая со стула. – Советую тебе повесить на стену календарь и вычеркивать дни. Встретимся завтра в Домодедово. Значит, среди дольщиков есть служащие аэропорта? – переспросил он.

– Да, я уже говорила. Два человека, – подтвердила Катя.

– Завтра познакомишь меня с ними.

Он часто говорил: «Бог не обещал нам завтрашнего дня», тем не менее жил днем завтрашним, потому что, во-первых, день текущий он посчитал выжатым, как лимон, а во-вторых, ему не терпелось вобрать в себя подзабытую атмосферу аэропорта. Он знал цену таким моментам, которые становятся истоками боевых операций. Может быть, он подразумевал вдохновение...

Глава 3

Условия

До аэропорта Катя на своем «Ауди»-«восьмерке» в этот ранний час добралась относительно быстро. Расстояние от МКАД до аэропорта составило двадцать два километра. На два с половиной километра было меньше до бизнес-терминала Домодедова. Марковцев добрался до места «дедовским» методом. Он доехал до станции метро «Домодедовская», поднялся наверх по лестнице и пошел в обратном направлении к автобусной остановке. Время в пути на микроавтобусе «Мерседес» заняло не больше получаса.

Чем ближе к аэропорту, тем чаще встречались машины «Форд» бордового цвета с надписью «Аэротель» на капоте. Гостиничный комплекс «Домодедово Аэротель» находится в трехстах метрах от аэропорта. А от новых желтых такси просто рябило в глазах.

Они встретились в здании аэровокзала, на его правой, от центрального входа, половине, на которой располагался «российский сектор». На левой же половине аэровокзального комплекса располагались острова регистрации на международные рейсы. И в этой связи комплекс походил на разделенную Германию. Рядом можно было найти «британские острова» – два киоска для автоматической регистрации пассажиров «Бритиш Эйруэйз».

Сергей был здесь два года назад, на авиасалоне, вход в который находился сразу за автостоянкой.

– У тебя есть свободная минута? – спросил Марковцев.

– Да, – с небольшой запинкой ответила Катя. – Я вообще сюда на весь день приехала. Почему ты спросил?

– Хочу угостить тебя кофе.

– Правда? – Она пожала плечами, и выражение ее глаз говорило: «Если хочешь – угощай». Она заполнила паузу, показав рукой в направлении торгово-развлекательного центра «Домодедово-Плаза»: – Там недавно открыли неплохое кафе – «Мистер Квик».

– Надеюсь, оно не очень дорогое.

– Скряга, – так, чтобы услышал Марковцев, обронила Катерина.

Это кафе ничем не отличалось от десятков других, разбросанных по аэровокзалу: закуски, бутерброды, чай, кофе, пиво. Марк купил мороженое: шоколадное – своей спутнице, пломбир с орехами – себе.

Он огляделся и пришел к выводу, что это место вполне подходит для конфиденциального разговора.

– Где наши компаньоны? – спросил Марковцев.

– Хочешь, чтобы я вызвала их сюда?

– Да, – покивал Марк. – Надолго я их не задержу.

Катя позвонила по телефону и назвала место встречи, закончив разговор: «Это срочно».

Игорь Вдовин работал в «Омикроне», компании, которая не нуждалась в особых представлениях. Это буквально читалось на его чуть полноватом лице, однако притом по нему нельзя было сказать, что он готов рискнуть головой ради денег.

– Расскажи о своей работе, какие обязанности на тебя возложены, – потребовал Марковцев. – Когда я выслушаю тебя, задам несколько вопросов.

Игорь вопросительно взглянул на Майорникову. Катя не ограничилась взглядами и жестами, а довольно жестко сказала:

– Делай, что тебе говорят. Начни с компании, в которой ты работаешь.

Игорь откашлялся, поправил очки и будто замаскировал за толстыми стеклами полный недоверия взгляд.

– Ну, основные направления нашей деятельности – грузовые перевозки.
– По России? – спросил Марк, заполняя паузу.
– Авиаперевозки в любую точку земного шара.
– То есть вы доставляете грузы не только самолетами.
– Конечно. В дополнение к авиатранспортировке из аэропорта вылета в аэропорт назначения мы доставляем грузы по всем городам России и СНГ с использованием автомобильного транспорта. При этом мы оказываем содействие в процедуре таможенного оформления груза.
– Хорошо. Кроме стандартных грузов, что еще вы перевозите?
– Крупногабаритные, тяжеловесные, – Вдовин начал разгибать пальцы, и Марк сразу заметил, что ему неудобно вести счет таким образом. Он продолжал: – Опасные грузы, сборные.

– Крупная партия денег относится к тяжеловесным или опасным грузам? – Марковцев не дал ему ответить и задал следующий вопрос, переходя на «ты»: – Конкретно ты кем работаешь?
– Менеджер по складским услугам.

– Пусть будет менеджер, – покивал Марк, припомнив слова Кати: «Если кладовщик, то кладовщик, а не заведующий складской организацией. Экспедитор – а не командующий экспедиционным корпусом». Что, она плохо знает своих людей? Он переключился с кладовщика на его товарища: – Какую должность в «Омикроне» занимаешь ты?

– Экспедирование груза. – Видя полное непонимание на лице Марковцева, он тут же поправился: – Транспортно-экспедиционные услуги.

Марк покачал головой:

– Так не пойдет, ребята. И знаете почему? Потому что я, по-вашему, специалист по управлению батальоном специального назначения при оперативном управлении главка военной разведки «Аквариум». Вы не хотите послать меня подальше?.. – Он нацелился пальцем на Игоря, собственно, выручая Катю: – Ты заведешь складом?

– Да.

Его палец теперь указывал на Николая Любищева. Тот не стал дожидаться вопроса и упростил ситуацию на нет:

– Я экспедитор.

– Здорово, – одобрил Сергей. – Не вдаваясь в подробности, скажу, что в свое время я захватывал не только самолеты, но и аэродромы, – он не глядя указал рукой за спину. – Так вам нормально? – перешел он на современный язык. Дождавшись согласных кивков, он твердо сказал: – Скоро мы снова встретимся. А пока вы свободны.

– Где ты откопала их? – спросил Сергей, когда они с Катей остались одни. Она ушла от ответа:

– Они сделают свою работу.

Игорь работал только в первую смену. Николай – по скользящему графику. Сегодня он нашел какую-то причину появиться на работе – всего на пару часов. Игорь не нашел ничего другого, как назвать Марковцева новым шефом. Именно этими словами начался их разговор один на один.

– Как тебе новый шеф? – Он спросил таким тоном, словно сменился начальник аэропорта или Минтранса.

Николай пожал плечами. К Марковцеву можно было относиться по-разному, но он развеял туман, взял быка за рога, что еще? Виктор Сеченов и Катя Майорникова говорили убедительно, но на каждой фразе стояло клеймо: мечтать не вредно. Марк был полной противоположностью Сеченова; Катя как бы не в счет.

«Он не привык отступать», – подумал Николай и ответил:

– Марковцев – человек дела. А что думаешь ты?

Игорь был предельно откровенен:

– Человек дела – это ты верно заметил. Еще утром у нас не было дела. Я не мог отказаться раньше, не могу и сейчас.

Эта ночь, как и предыдущая, была исполнена раздумий. Мысли о работе сумбурно пересекались с воспоминаниями из далекого прошлого, что не давало мозгам закипеть.

Сергей вспомнил дом в деревне, куда приезжал на летние каникулы. Но мысли и чувства манили его дальше, к соседнему, брошенному, заколоченному дому. Он притягивал таинственной пустотой, странными днем и пугающими ночью шорохами. Туман, опускающийся на поселок, в первую очередь накрывал дом с привидениями, – Сергей был уверен, что они там есть. К дому не вели тропы, проделанные человеком, только кошками и ежами. На задах можно было разглядеть и лисьи следы: лисица, чья нора находилась в полутора километрах от поселка, подолгу стояла на месте, приюживаясь и прислушиваясь, и под ее ногами была не твердая почва, а, казалось, зыбучий песок. И она убежала не при виде человека, а увидев ворона, чья тень срывалась с дерева быстрее его самого. Так казалось Сергею.

Там упавший и утонувший в траве забор виделся поросшим водорослями трапом, а сам дом – затонувшим кораблем. Сергей навещался туда ночью, с фонарем, который был бесполезен в плотном тумане – руки при его свете не различишь. И в такие минуты он боялся шорохов, потрескиваний, просто тишины, висевшей в кисельном воздухе, который можно было глотать. А с рассветом дом стряхивал с себя паутину тумана, выставляя на обозрение муляжи заколоченных окон. Сергей часто заходил во двор заколоченного дома днем, где в светлое время суток делать было нечего. Разве что любоваться стремительным полетом деревенских ласточек, замороженно смотреть, как они вдруг садились на ветки засохшего дерева, – так близко, что можно было рассмотреть себя в вороном блеске их глаз.

Этот дом стал прибежищем для двух ласточек. Они ли прилетали каждый год и лепили гнезда под потолком, прямо на выключателе, которого уже скорее всего никогда не коснется рука человека? Это они, был уверен Сергей.

Ласточки притаились в соседней комнате, и Сергей их не заметил. Он вышел из дома, куда его притягивало как магнитом, и плотно закрыл за собой вечно открытую дверь.

Через неделю он снова перешагнул порог этого дома и увидел ласточек, полет которых его всегда восхищал. Одна касатка лежала на полу, другая распласталась над гнездом, раскинув крылья, будто защищала от опасности еще не вылупившихся птенцов.

Это была первая потеря в жизни Сергея Марковцева; впереди – десятки потерь, но эта станет самой тяжелой утратой. Его не манили к себе могилы родителей так, как притягивали образы двух мертвых птиц. Он мог честно признаться: оплакивал он, когда вспоминал о них, и не чувствовал жара сентиментальности. Он мрачно усмехался: горевал, когда вспоминал. Но ведь помнил же. Как будто он убил не живых существ, а более живые души некогда умерших людей.

Часы показывали половину седьмого, а он уже набирал номер Катерины Майорниковой.

– Можешь приехать? – спросил он.

– Что-то случилось? – раздался в трубке ее спросонья голос.

– Так ты можешь приехать?

– Да... Дай мне полчаса.

Ответом послужил обрыв связи: Марковцев нажал на клавишу отбоя.

Катя приехала через сорок минут ровно. Сергей отдал должное ее виду. Она выглядела бодро, как в середине рабочего дня.

– Марафет наводила в машине? – спросил он, проводя у лица ладонью.

– Не твое дело. Так что стряслось? – Она прошла в комнату и села на стул. Демонстративно отвернулась от неубранной мятой постели.

Марк взял простыню и, встряхнув ее, чихнул. Майорникова встала, открыла балкон и застыла на пороге, придерживая ногой дверь. Она возненавидела этого неопрятного, самодовольного, самоуверенного типа. Где были глаза у Сеченова, когда из десятка претендентов он выбрал этого? Еще вчера она подумала о том, что, будь Сергей Марковцев помоложе, мог бы завоевать ее сердце. Не сразу. Поэтапно. Что это за этапы, она и сама не знала. Не могла объяснить, какая причина заставила ее думать о Марковцеве в этом ключе. Может быть, не он сам, а его репутация, образ наемного убийцы, мастера диверсий, его громкое имя?

Громкое?

«Времена так быстро меняются, что на слуху давно другие имена, а если уж быть совсем точной, – продолжала рассуждать Катерина, – то громко о себе заявлять уже никто не хочет. – Она хмыкнула, глядя на Марка, который запихивал подушку в шкаф: – Так себе раскаты».

И вдруг не выдержала:

– Хорошо спал? Слюни, наверное, на подушку пускал?

– Жалеешь, что не тебе на волосы?

– Кретин! – Она сорвалась с места; и если бы Сергей не ушел с дороги, сшибла бы его.

Хлопнула дверь. Марковцев засек время. Он полагал, что через десять-пятнадцать минут Катерина вернется. Это же не любимая женщина скандал закатила, их связывало дело, за которое в крайнем случае можно схлопотать пулю. К тому же она ничего не решает. А для того, чтобы переговорить с Сеченовым...

Рассуждения Сергея прервал повторный звонок в дверь.

– Открыто! – крикнул он, не вставая с места.

Катя буквально нависла над ним.

– Марковцев, я хочу тебя предупредить...

– Валяй, – разрешил он, глядя на нее снизу вверх и малость жалея, что не сверху вниз.

Майорникова набрала в грудь воздуха, но вдруг иссякла, как воздушный шар, проткнутый толстой иглой. Какого рода предупреждения она хотела вынести Марковцеву? В первую очередь должна бы попенять себе: она показала себя с неприглядной стороны своей несдержанностью. Почему она нетерпима к этому человеку? Причина не в нем, а в ней самой. Вокруг много людей, которые раздражают одним своим видом, взглядом, голосом. Что, идти и срываться на всех и каждом?

– Извини, – она нашла в себе силы, чтобы произнести это короткое слово, а дальше – целую фразу: – Я была не права.

– Значит, прав был я.

– Насчет твоих слюней в моих волосах?

– Это ты сказала, – Сергей подчеркнул этот факт поднятым пальцем. – Не забудь об этом, когда постучишься ко мне в третий раз.

– Ладно, ты меня уел. Черт с тобой. – Катя села на стул. – Так что у тебя стряслось?

– Скорее всего, я откажусь от консультаций с пилотом, которого предоставите мне вы.

– Вот как? – Катя выгнула бровь.

– Именно так. Я сам найду человека, который не только проконсультирует меня.

– Но и... – Катерина вопросительно округлила глаза.

– Но и примет непосредственное участие в операции. – Он предвосхитил вопрос Майорниковой: – Нет, я не набираю команду, а подбираю людей под план операции.

– Может быть, ты уравниваешь шансы?

– Каким образом? – Сергей пожал плечами. – Мои люди против ваших?

– Да, что-то не вяжется, – была вынуждена согласиться Катерина. – Тогда объясни, в чем дело? Должно же у тебя быть какое-то объяснение.

– Я подкорректировал план. Если вы дадите добро на привлечение моих людей к операции, я вам гарантирую успех.

– Не знаю.

– Не знаешь?

– Слушай, если я говорю «не знаю», значит, так оно и есть. С боссом надо поговорить.

– Но ты же заранее знаешь, чем кончится ваш разговор. Возьми ответственность на себя, за проявленную инициативу получишь прибавку к доле.

– Кстати, о доле, – Катя сделала вид, что восторгалась. – Чего ты хочешь для своего человека?

– Того же, что и вы от своих. – Пауза. – Устрой мне билет в Азербайджан в два конца и выпиши командировочные. Ста тысяч рублей будет достаточно, – конкретизировал Марк.

Катерина глубоко вздохнула. Что же, ей скорее всего придется взять на себя ответственность. А с логикой, которой оперировал Марк, спорить было невозможно. Сеченов не обрадуется затяжке времени, которую она могла ему обеспечить, а вот инициатива – это ее плюс. Плюс всем, включая «верхних» и «нижних», сделала она существенную поправку.

«Чего не было на бумаге, того не было вообще». С этим постулатом, рожденным в недрах спецслужб, Катя приготовилась запоминать, как если бы собралась записывать.

– Назови фамилии своих людей.

Она усмехнулась, увидев светлый блик на вороном лице Марковцева. «Все же в нем есть что-то человеческое, – сделала она странный вывод. – Он испытал облегчение и не пытался этого скрыть. Почему?»

Марковцев слово подслушал ее мысли, перевел ее взгляд и спрятал свой за жестом, которым он вынул сигарету и прикурил.

– Адам Хуциев. Он выпускник Липецкого авиационного центра. Второй – бортмеханик Хусейн Гиев.

– Азербайджанцы?

– В точку попала. Они надежные люди, и за них я отвечаю головой.

Катя выдержала паузу. Не длинную и не короткую, а в самый раз для того, чтобы закончить разговор именно так:

– Я лечу с тобой. И не смей мне перечить.

Марка ничем нельзя было удивить. Он пожал плечами и равнодушно произнес:

– Улететь вдвоем?.. Меня это устраивает.

Глава 4

Старый приятель

– Я так и знал, что найду тебя здесь.

На лице Адама не дрогнул ни один мускул, когда он услышал голос этого человека. Он не узнал его. Бросив на него косой взгляд, он кивком головы отдал напарнику команду: «Взяли!» Они погрузили на тележку кислородный баллон и резак со шлангами и подкатили ее к самолету, горделиво стоящему посередине ангара.

Адам Хуциев два раза в неделю приезжал сюда из Шеки, где он проживал со своей семьей, словно здесь ему было легче принять непростое решение – продать «самопальный» аэродром, а в придачу к нему – «жестяное корыто с крыльями». По сходной цене. Странно, что самолет «Як-40», переоборудованный под десантный вариант Саратовским авиационным заводом, ему предложили продать по цене новой жигулевской «классики», которую не взялся бы довести до ума тот же завод с берегов далекой Волги. Адам прикинул, сколько он выручит за лом, когда распилит самолет на куски, и потом уже не колебался. Он не стал нанимать помощников и уж тем более бригаду сварщиков. Адам посчитал справедливым, если самолет разрежут два человека – он и бортмеханик по имени Хусейн. Разрежут, как праздничный торт: «Жрите, гады!» Адам был готов прибавить богохульное: «Жрите мое тело и пейте мою кровь!» Пожалуй, только он и его бортмеханик знали цену этому 32-летнему «Яку». В каждом иллюминаторе светилось по сердечку; это чувствовалось и в каждом обороте двигателя.

На него просто-напросто наехали: объявили реальную цену этой земли, на которой уместился автобокс и учебная трасса автобатальона, и предложили выкупить. Адам выкупил эти строения несколько лет назад, но времена меняются; ушли со своих постов люди, стоящие за этой сделкой, на их место встали другие, они-то и потребовали свое. «Круговорот воды в природе», – заключил Адам.

Он в очередной раз одарил Сергея Марковцева недружелюбным взглядом, но задержался на несколько мгновений, изучая его. Лицо знакомое, кажется, они действительно встречались раньше.

– Выглядишь ты, Адам, хорошо, – продолжил Марк, прикуривая сигарету. – Говорят, кто выглядит хорошо, тот и чувствует себя хорошо.

– Покойники в гробу выглядят хорошо, – ответил Адам, по-восточному, с хитрецей сузив глаза, и тут же перешел на американскую прямоту: – Мы знакомы?

Наверное, он – один из моих клиентов, прикинул Адам, маякнув Хусейну: «Кури пока». Один из бывших клиентов. От этой мысли у летчика с новой силой заныли зубы.

– Один раз, – ответил на вопрос Хуциева Марковцев, непроизвольно стилизуя речь. – Один раз твой дом стал нашим домом, а твой самолет...

– Вашим самолетом, я понял, – грубовато оборвал гостя Адам и стал загибать пальцы: – Значит, виделись мы три раза. Или мне следует дослушать тебя до конца?

– Один раз, – рассмеялся Марковцев. – Вижу, берет ты бережешь, как свою голову.

– Это талисман, – был вынужден объяснить Адам, поправляя порядком выгоревший, с несмываемыми масляными пятнами головной убор, в котором он походил на Лелика из «Бриллиантовой руки». Без него он не занимал кресла КВС, и только поэтому количество взлетов его самолета равнялось количеству посадок, был уверен Адам. У каждого человека – даже у спортсмена, по-простому рассуждал он, есть вещи, которые помогают ему, особенно в трудную минуту. Кто-то надевает на соревнования штопаный-перештопаный носок, кто-то не бреется, кто-то обладает набором заклинаний. Коричневый же берет Адама так понравился его ангелу-хранителю, что его крылья всегда хлопали в спутной струе самолета.

«Моего самолета...»

Адам окончательно и бесповоротно решил, что не станет продавать его, точнее – отдавать как довесок к земле, на которой он работал и изучил каждый сантиметр.

– Прыгали группой? – спросил он, с трудом отмахиваясь от назойливых мыслей.

– Да, – ответил Сергей. – Нас было тринадцать человек.

Не самая большая группа, машинально покивал Адам. Он поднимал на борту своего «Яка» и тридцать человек. Едва ли не со слезами на глазах он представил, как отваливается челюсть-люк самолета и звучит команда: «Рампа открыта». Он заходит на высадку по левой коробочке на курс следования через расчетную точку приземления. А после выхода из разворота выпускает закрылки на пятнадцать градусов и сбавляет скорость, в динамиках, установленных в грузовой кабине, звучит его голос: «Полет горизонтальный. Скорость триста десять. Пошел!» Групповые прыжки. Что может сравниться с ними по красочности? Даже прыжки в один поток и с принудительным раскрытием парашютов – завораживающее зрелище. Пошел первый парашютист, второй, третий, четвертый... Интервал – одна секунда, а кажется, что вся группа высыпала через люк за одно мгновение. *Только вытяжные тросики, собранные в кучу, покачивались на леере.*

Что-то с лицом ранее прожитого выбило из скупых глаз азербайджанца слезу. Он видел то, чего не видел ни один человек на этой земле: групповой прыжок со сверхмалой высоты, равнявшейся ста метрам. Вот сейчас, в этот миг, он узнал Марковцева, чей диверсионный отряд грузно протопал по грузовой кабине его самолета и исчез за опущенной рампой.

Десантников разворачивало ногами вверх, за ними поочередно появлялись серые «хвосты», стремительно приобретающие очертания куполов парашютов. Затем положение парашютистов резко менялось на противоположное: рывки в сопровождении хлопков. Но уже у самой земли. Хлопки куполов едва ли не совпадали с ударом ног о землю.

Сколько же лет прошло, пролетело с тех пор?

Восемь – пришел ответ.

Неужели восемь?

Адам больше удивился не цифрам, а своей памяти, в которой нашлось одно из самых светлых мест – для этого человека и его парней, головой вниз унесшихся в самую гущу боя. Парашюты – лишь отсрочка, малая отсрочка. Их было тринадцать. На поле боя, среди десятков трупов бандитов, потом нашли десять тел русских десантников – Адам навсегда запомнил это сообщение.

– Так это ты... – улыбнулся он Марковцеву и протянул ему сразу обе руки. – Я уже и забыл, как тебя по имени-отчеству.

– А я что, представлялся тебе по полной?

– Конечно. И фамилию назвал. – Адам врал так убедительно, что и сам верил в свою ложь... как в спасение. Отчего пришло такое определение, он так и не понял. – Ты помнишь моего бортмеханика?

Марковцев вместо ответа указал за спину Адама, подмигивая помощнику.

– Хусейн, да?

– Точно, – опередил Хусейна Адам и, не глядя на верного помощника, отдал ему приказ: – Хусейн, подойди и поздоровайся с уважаемым гостем.

А прозвучало по-другому: «Хусейн, бери самый большой нож и выбирай самого жирного барана». И если бы Хусейн держал нож, он бы выронил его: он застыл, увидев вдруг спутницу Сергея Марковцева. Он чуть было не пустил слюну. Не потому что девица показалась ему сногсшибательной красавицей и что он давно не встречал в этих краях представительниц слабого пола. Неожиданность заставила его застыть на месте. Он кое-как справился с собой, набросил на лицо подобие улыбки и провел масляной тряпкой, которую комкал в руках, по носу.

– А-а... – чуть слышно протянул Марк, от которого не укрылся ни один жест азербайджанца.

Он подозвал Катю, появившуюся в ангаре неслышно и неожиданно даже для Адама, который сначала возносил женщин к самым небесам, а потом безжалостно бросал их на землю. Он рассуждал об этом именно в таком ключе. И поэтому встретил незнакомку с настроением и чувствами мужа, которому поднадоела жена.

– Хусейн, – назвался он, подавая гостю руку.

– Катя, – последовал ответ, сопровождаемый дружеской улыбкой.

Хусейн небрежно махнул масляной тряпкой на «ка-вэ-эс», как часто называли Адама Хуциева: командир воздушного судна.

– Это Адам.

Если бы не Катя, Хусейн дошел бы до Марковцева и представил бы и его. Она коснулась борта рукой и спросила в продолжение темы знакомства:

– А это ваш самолет, да?

– Да, – быстро отозвался Хусейн, как ширмой отгораживая Катю от своего старшего компаньона и старого знакомого, о котором он напрочь забыл. Был ли он благодарен ему за эту приятную неожиданность, он об этом пока не думал. Где-то в подсознании победным копьем торчал едва ли не преклонный возраст Адама и его удручающее семейное положение – жена и четверо детей, что напоминало название сказки «Коза и семеро козлят», а в азербайджанской интерпретации – «Коза, козел и семеро козлят», а еще Марковцев, чей возраст был буквально отчеканен на его суровом лице.

Хусейн был небрит, но его этот факт не трогал. Он подумал о том, что бритым будет выглядеть совсем другим человеком, на что Катя просто обязана обратить внимание.

«Это ваш самолет?» – все еще звучал в голове вопрос Кати. Хусейн мог и без помощи Адама поднять самолет в воздух и посадить его. А что касается прыжков с парашютом, то он мог «перепрыгать» и Адама, и Марка. Он столько раз совершал прыжки...

Не прошло и получаса, как все четверо сидели в беседке, которая пряталась от солнца в тени бетонного бокса; его предприимчивый Адам Хуциев приспособил под самолетный ангар. В отсутствие Хусейна и Кати, которая взялась помогать ему на камбузе, Марк спросил у Адама, доверяет ли тот своему помощнику, – тот ответил: «Как себе». И тут же насторожился:

– А что?

– Намечается работа. И я хочу сделать предложение твоему экипажу.

И это, черт возьми, прозвучало солидно, не мог не отметить Адам. Он, не сходя с места, решил, что отказываться не стоит. И только когда Хусейн и Катя накрыли на стол и все четверо опрокинули по рюмке местного коньяка, Марк приступил к делу.

Адам не пропустил ни слова из рассказа Марковцева, ни разу не переглянулся с помощником, – решать, принимать ли рискованное, но заманчивое предложение, ему и только ему. Никаких там голосований. Словно бортмеханик был безрукий и безголосый. Но точно не слепой. Он по-прежнему не сводил глаз с Кати.

Адам Хуциев медленно возвращался к жизни. Он уцепился за шанс, буквально дарованный ему Марковцевым, и плевать, какого он качества. Главное, ему представилась возможность вернуть фактически потерянный аэродром, работу. А это значит, он сможет возродить парашютный клуб. А это экстрим, риск, страх; это клиенты. И это деньги. Жизнь снова поступала в дом «первочеловека», и он не мог прогнать ее. Он сказал Марковцеву:

– Я согласен.

– А твой бортмеханик?

– Дурацкий вопрос.

Хусейн прослушал, что говорили о нем, об этом он догадался по взглядам, устремленным на него, и спросил у всех сразу:

– А?..

Сразу за всех ему ответил Марк:

– Оставайся с нами – узнаешь.

Глава 5

Теория и практика

Наутро отношение Адама Хуциева к Марковцеву поменялось. Он встретил его как человека, которого нанял, чтобы решить свои проблемы. Марк был не без глаз и без обиняков спросил, что случилось. Адам не мог объяснить перемен, случившихся с ним, но ответил начистоту. Марковцев, выслушав его, пожал плечами и закончил первый в это солнечное утро разговор в своей манере:

– Ты не думай, что я к тебе за проблемами пришел.

Он оставил Адама и вышел на свежий воздух. Он не знал, где в этот час найти Катю, но увидел Хусейна. Гладко выбритый, в майке с короткими рукавами и нарочито небрежно наброшенной на плечи летной кожанке, он походил на героя фильма «Мимино».

– Где? – спросил Марковцев, опуская имя Майорниковой.

– Кто? – прикинулся было дурнем Хусейн.

Марк поставил его на место своим «фирменным» тяжелым взглядом тигра, наевшегося человечины.

– А... – забуксовал бортмеханик. – Да она...

– Я здесь, – раздался позади Сергея Катин голос.

Он обернулся. То, что он увидел, соответствовало его замыслу.

Катя была одета в свободный комбинезон кричащего сине-оранжевого цвета, волосы убраны под пеструю бандану.

– То, что нужно, – одобрил он и поманил девушку за собой.

Он хорошо ориентировался на аэродроме и через пару минут привел Катю в ангар. В большинстве своем парашюты укладывали на улице, но в ненастную погоду для этого в ангаре было отведено место. Оно сейчас пустовало, и Сергей, подавая пример Хусейну, начал раскладывать на полу фанерные щиты. Они настолько плотно прилегали друг к другу, что могли послужить основанием для крыши: ни одна капля не просочится. опередив Хусейна, Сергей прошел в кладовую, где хранились парашюты, и вскоре вернулся с двумя ранцами. Один он положил перед Катей, с другим отошел к своему месту.

– Прыжки с парашютом начинаются на земле и заканчиваются на земле, – с неожиданными менторскими нотками произнес Марковцев. – Все причины неудач лежат на земле.

– Я не умею прыгать с парашютом, – сказала Катя и невольно передернула плечами.

– Научись, – обнадежил ее Марк. – Самый лучший инструктор...

– Неужели ты?

Он пропустил ее сарказм мимо ушей.

– Время. Пока летишь к земле – научись. Как представишь полный рот земли, мигом сообразишь, где вытяжное кольцо и что с ним делать. Что такое парашют?

Этот вопрос Марковцев адресовал Хусейну. Не ожидавший такого простого на первый взгляд вопроса, тот с минуту подбирал определение. Марк терпеливо ждал, обволакивая азербайджанца мрачным взглядом.

– Ну, – начал Хусейн, включая «защиту» – невесть откуда появившийся акцент, причем немецкий. – Ну, парашют, это такая штыюка, которая... ну... замедляет, да?.. падение. Да, точно, падение.

– Может, снижение?

– Может, и снижение. Все зависит от того, кто и что собрался делать – падать или снижаться, – вывернулся Хусейн.

– Ты не еврей?

– Я?

– Нет, я.

– У меня иранские корни.

– Но вершки-то еврейские.

– Ну ты и сказал. Я – Хусейн, моя родная сестра – Насрин. Где ты видел евреев с такими именами?

– Ее корни тоже уходят в Иран?

– А куда же?.. – Хусейн собрал на лбу морщины. – А что ты улыбаешься? Насрин – смешное имя для русских, что ли?

– Грустное. Для того, кто носит это имя. – Сергей посмотрел на часы, отмечая точное время. – Настроились. Хусейн, обращаю твое внимание на то, что настроиться не означает не пить накануне, а серьезно настроиться – не пить два дня. Слушай меня.

С этого мгновения подполковник Сергей Марковцев влез в порядком полинявшую шкуру инструктора по парашютной подготовке.

– Парашюты замедляют снижение, и происходит это благодаря двум силам: подъемной и сопротивлению воздуха. Круглый купол набирает столько воздуха, сколько может, а тормозит за счет сопротивления. А крыло, – Сергей легко удерживал в вытянутой руке ранец, – создает и подъемную силу. Она воздействует на крыло в определенном направлении, которое зависит от параметров профиля и его положения по отношению к набегающему воздушному потоку. Искусство пилотирования купола состоит в том, чтобы контролировать поток на профиле крыла.

Сергей поднял один фанерный щит цвета хаки и прислонил его к стене ангара; получилась приличная школьная доска. А мелом послужил кусок известкового раствора, застывшие потеки которого виднелись в каждом ряду кирпичной кладки. Он набросал форму крыла и продолжил, сопровождая инструктаж жестами:

– Купол создает подъемную силу двумя способами. Первое: подъемную силу создает сама форма крыла. – Он изобразил несколько плотных штрихов. – Воздух движется по верхней кромке крыла быстрее, чем по нижней. Чем больше скорость воздуха, тем меньше его давление. Что получается? Получается то, что над верхней кромкой образуется область пониженного давления, а под нижней – повышенного.

Есть еще один способ создания подъемной силы – это отклонение воздуха. Если отклонить его в каком-либо направлении, тотчас возникнет сила реакции, и направлена она будет в противоположную сторону. Что позволяет парашютистам поворачивать, двигаться по горизонту, вообще совершать любые маневры в свободном падении. Задавливая правый край купола, мы поворачиваем вправо – потому что правая кромка начинает двигаться медленнее и создает меньше подъемной силы.

Марк, заметив растерянность на лице Кати, пожал плечами и внес предложение:

– Тебе не придется прыгать с парашютом, но тогда тебе придется...

– Оставить тебя без контроля, – продолжила Катя. И добавила про себя, глядя на Хусейна, а затем – на Адама, который вошел в ангар незамеченным; он минут пять, а может, и больше безмолвно присутствовал на инструктаже: «Это значит довериться и этим людям тоже». «Эти люди» приобрели конкретную национальность, которая до сей поры как бы ускользала от Кати: азербайджанцы.

Она невольно покачала головой. Марк ответил прежним жестом, снова пожав плечами:

– Какая разница, как это называется.

Он, да и Катя, наверное, понимали, что его инструктаж пришелся не к месту, был несвоевременен, и сам Марк на фоне импровизированной доски смотрелся наивно. Но всем было понятно, что кроется за невольной торопливостью Марка. В первую очередь это желание. Хотя... Марковцев здесь – это уже больше, чем желание, это настрой. Вот он-то и был проде-

монстрирован. Шаг за шагом Катя «реабилитировала» Сергея как в собственных глазах, так и перед новыми компаньонами. Эти люди показались ей простыми донельзя.

Катя не ожидала, что Марковцев, ее словами, продолжит «гнуть свою линию». Он отошел от доски, но «не сел на свое место». Он взялся за ранец с парашютом. Пробормотал под нос так, что его было слышно в каждом углу ангара. То ли акустика хорошая, то ли голос у него такой, подумала Катя. А сказал он о том, что парашют не новый и его это устраивает.

Он разложил его. Прежде чем снова уложить парашют, внимательно осмотрел оболочки – верхнюю и нижнюю, не оставил без внимания нервюры, швы на тканях и стропах, слайдер и его кольца.

– Что ты ищешь? – спросила Катя, подходя ближе.

Он пожал плечами: «Разве и так не очевидно?»

И все же ответил:

– Парашют не новый. Я ищу порывы, пожоги, изношенные, неправильно собранные элементы – чтобы отремонтировать парашют.

– Если найдешь неисправности.

– Если найду.

Он бесцеремонно отодвинул Катю плечом и разложил парашют на фанерных щитах, зафиксировал ранец так, чтобы случайно не сдвинуть его с места. Неудовлетворенно сморщившись, он нашел глазами Хусейна:

– Есть инструкция на этот парашют?

– Да. Где-то была. – Спohхватившись, исправился: – Есть. Сейчас принесу.

Адам Хуциев остановил его жестом руки:

– Оставайся здесь. Я сам принесу.

Его не было минуты три. Наконец он появился с книжицей в глянцевой обложке. Что удивило Марковцева, так это порядком потрепанные страницы под глянцем. Очень хорошо, что в инструкцию частенько заглядывали.

Полистав страницы и сверившись с инструкцией, Сергей передал книжицу Кате и в первую очередь зачековал стропы управления парашюта. Потом расколлапсировал слайдер и убедился, что язычки коллапса полностью спрятаны, а не спутаны со стропами.

Катя недоумевала. Сто пудов, рассуждала она, то ей придется совершить прыжок с парашютом. Она имела в виду решающий прыжок, а сколько учебных ждут ее, новичка в парашютном деле?.. И вот на этом фоне Сергей Марковцев уподобился глухонемому, но даже на пальцах не объясняет, что он там делает. Со стропами в руках он походил на браконьера, который чистит сеть, вынимая из ячеек сучья и подсохшие к утру водоросли. Особенно сейчас, когда он взял стропы группами у свободных концов и подошел к куполу.

– Марковцев, что ты делаешь?

Сергей молча положил купол на плечо так, чтобы он был на весу и натягивал стропы.

– Марковцев... Сергей...

– Дай мне вначале самому разобраться с парашютом, – резко ответил он. – Нельзя бросаться в омут с головой. И уж тем более с самолета, – смягчил он тон в тот момент, когда сдвинул слайдер в сторону, чтобы тот не мешал ему расправить и налистать воздухозаборников. Надежно удерживая полученный пакет, он тряхнул его, расправляя складки.

– Что ты делаешь?

И – вздрогнула, когда прямо у нее над ухом прозвучал ответ:

– Он разворачивает купол хвостом от себя...

Катя обернулась на Хусейна. Для нее это был бред сивой кобылы, но, так или иначе, действия Марковцева, который «развернул купол хвостом от себя, а потом воздухозаборники зажал коленями», отчасти завораживали. Одно сравнение сменялось другим. Сейчас Сергей укрощал ведьму, поймав ее за хвост, отняв у нее помело – средство передвижения по воздуху.

Марковцев тем временем отделил часть строп с одной стороны купола и расправил между ними ткань. Потом повторил то же самое с другой стороной купола. Затем, как гром среди ясного неба, его голос:

– Теперь настал черед слайдеров и ушей.

«Прорезало...»

Катя смотрела, как Марковцев расправляет слайдеры и уши между стропами, разделенными на группы, как придвинул что-то.

– Что это? – спросила она у Хусейна и получила ответ:

– Люверса слайдера.

Снова спросила:

– Это по-азербайджански, а как будет по-русски?

– Вплотную к ограничителям.

– А сейчас он что делает?

У Хусейна был готовый ответ:

– Он вспоминает. – Но объяснил конкретно: – Отделяет стропы управления... Сейчас – расправляет между ними ткань и разворачивает их к центру купола. Под слайдер, – чуть помедлив, ответил Хусейн.

Марковцев взялся за заднюю кромку купола в районе центральной секции, на которой была отчетливо видна предупредительная нашивка, положил ее на стропы и крепко прижал вместе со слайдером и стропами.

Он заканчивал складывать парашют: расправил хвост в стороны, чтобы обернуть им налестанный купол – по направлению к носу, но так, чтобы стропы управления оставались в центре купола. Кате показалось, она уже видела это и Марковцев пошел по кругу, а точнее, выполняет операцию в обратном порядке. Удерживая стропы и слайдер, он соединил заднюю кромку и скрутил хвост так, не захватывая при этом оставшуюся внутри часть купола. Не отрывая взгляда от слайдера и строп, он качнул купол (легко, нежно, как детскую пеленку, сравнила Катя), положил его на пол и осторожно выдавил из него воздух. Выполнив волнообразное сложение полученного пакета, Марковцев засунул его в камеру. Затем зачековал ее и уложил стропы в соты, оставив неуложенными чуть больше полуметра.

– Сил не хватило, – спросила Катя у Сергея, действия которого ее так или иначе захватили и она осталась под впечатлением, – или для меня оставил?

– Эта «косичка» для предотвращения закруток, – туманно объяснил он. – Ты все потом поймешь.

Хотя Марковцев и выглядел абсолютно спокойным, но волнение не обошло его стороной. Впервые за несколько последних лет он прикоснулся к парашюту и подготовил его для прыжка. Он не станет снова «перебирать и поглаживать» его стропы и купол. В этом Катя отчего-то была уверена. Как была уверена в том, что настала ее очередь складывать парашют. Для того, чтобы спустя какое-то время прыгнуть с небес на землю, пусть даже просто спуститься. Неожиданно на ее глаза навернулись слезы, всего две еле заметные капли, и она, не скрывая их, сморозила откровенную глупость:

– Можно я сначала попрыгаю с маленькой высоты? Ну, не знаю, метров с пятидесяти. Ну со ста...

Адам Хуциев, с утра обретший невидимость, крикнул со своего места наблюдателя и неторопливо пошел к самолету. На ходу позвал Хусейна. Марковцев же взял Катин ранец и вытряхнул из него то, что в небе всегда завораживает. На фанерный щит буквально упали части конструктора, и Катя Майорникова опустила перед ними на колени. Прикоснувшись к стропе, она попыталась припомнить, с чего начинал Сергей «распутывать» парашют. И, к своему удивлению, вспомнила. Набросив на лицо строгое выражение, она требовательно пощелкала пальцами, привлекая внимание Марковцева.

– Передай-ка мне инструкцию.

Рассмеялся даже Адам Хуциев, обернувшись на Катю с верхней ступени трапа и поднимая большой палец.

Он был азербайджанцем. Только Кате порой казалось, он был негром, киношным негром. Такие ощущения были вызваны поведением Адама. Он не расставался с промасленным беретом, как не расставался со шляпой его «прототип» из американского боевика. Он обсасывал одну спичку за другой, и по следам измочаленных палочек найти его не составляло труда. С другой стороны, пол ангара был усыпан спичками. Искать его, используя метод влажности? Катю даже передернуло. Она сама не заметила, как расколлапсировала слайдер, и уставилась на язычки коллапса, правильно кумекая, не спутаны ли они со стропами.

Этот день слишком затянулся. Он вместил в себя все, даже «отмороженные» мечты Кати: она прыгала с малой высоты, а если точно – то со сверхмалой: сначала с метровой, потом дошла до полутора метров, наконец махнула с двух. Пока что без парашюта. И всегда ее встречали сильные руки Сергея Марковцева. Крепкие руки. Ей казалось, он мог влегкую выдавить из нее кишки. Она даже представила их в куче измочаленных спичек, над которыми поработали крепкие зубы «ка-вэ-эс». На самом деле это был сон. Не кошмар, но страшное сновидение. Она подбирала с заплыванного пола собственные кишки, которые держались на одной стропе, вытянувшейся точно из кровотока пупка. Она держала их в руках так, как держат мертворожденного ребенка, и не знала, что делать дальше. Звать на помощь? Но она же точно знает, что ей никто не поможет. Выть в голос?.. И она проснулась от того, что услышала, как рядом скулит собака. Через несколько секунд поняла, что разбудил ее собственный голос. Это она скулила во сне. Вгорячах она едва не побежала искать Марковцева, опережая свое сумасбродство, упрямство и еще черт знает что. Освобождаясь от страхов, она отпускала его: «Ты свободен! Делай свое дело там, наверху, где, кроме тебя, никто не справится, где другие, и я в их числе, будут тебе помехой, а я подожду тебя внизу, ровно на том месте, которое ты определишь, там мы и встретимся». От такой горячности ее даже пот прошиб, и она уловила его запах; и если раньше она натурально воротила нос, то сейчас вдруг принялась. Он не шибал в нос, потому что, наверное, поменял качество, став натуральным, рожденным перед лицом настоящей опасности, а не перед страхом источать его. Ее взгляд заслонила смутная тень такого же смутного предчувствия победы. Она успела заглянуть в самую глубину этого мига, но не издалека, а как если бы спустилась на самое дно. И это расстояние не испугало ее. Она словно сдула пыль с книги судеб и увидела себя сначала в свободном падении, а потом под спасительным куполом парашюта. Завтра или послезавтра состоится ее первый прыжок. Катя сняла промокшую майку и надела свежую. Выпив воды, она снова легла в кровать и моментально уснула.

Глава 6

Последний компаньон

– О чем задумался? – спросила Катя Марковцева. Он был старше ее в два раза, и она не решалась называть его только по имени. Сергеем Максимовичем? То ли много чести, то ли еще что-то мешало обращаться к нему по имени-отчеству. Плюс это пахло официальнойностью. Просто Марковцев – нормально даже для него, прикинула Катя. Но только когда один на один. При всех... она обвела взглядом каждого, включая и Марка... при всех неудобно. Не катит, поправилась она, не понимая причину, которая заставила ее рассуждать на эту тему. – Так о чем ты задумался? – переспросила она.

– Прокладка маршрута не дает покоя, – ответил Марковцев.

Этот вопрос стоял не на последнем месте в плане Марка. От него зависело место выброски груза и пилотов. С легкой руки Хусейна Гиева парашютистов с сегодняшнего утра стали называть пилотами – короче и точнее с точки зрения управляемости парашютов. Сегодня и Катя стала настоящим пилотом: она впервые в жизни прыгнула с парашютом...

Впереди еще минимум десять прыжков. Адам не скупился на горючее. В этой «нефте-носной» республике он покупал керосин по выгодной цене. В ангаре всегда было несколько двухсотлитровых бочек, а последнее время – десятилитровый заправщик. Адаму пришлось уволить своего шофера, и они с Хусейном по очереди ездили за топливом.

Марковцев подошел к глобусу, который водрузили на высокий металлический ящик, стоящий в углу ангара, по соседству со столом и парой раскладушек. Поверхность глобуса была испещрена проколами от дротиков; один дротик торчал в самом сердце Америки, в Вашингтоне. Сергей повернул глобус и несколько секунд не спускал глаз со столицы России, видя в крохотном пятнышке ее улицы, пригород, аэропорт, с которого и стартует эта сложная и рискованная операция. Достав из кармана отрезок шнура, Марковцев приложил один конец к точке, обозначающей Москву, а другой – к Комсомольску-на-Амуре. Натянутый шнур и являлся трассой. Таким «доисторическим» способом пользуются даже в крупных компаниях-грузоперевозчиках, получая при планировании кратчайший путь между пунктами отправки и назначения, находя, если нужно, аэродром для дозаправки. Марковцев смотрел точно в середину шнура, который в этом месте пересекал Новосибирскую область.

– Ближко, далеко, в самый раз, – чуть слышно пробормотал он, досадуя на себя по той причине, что до сих пор не мог определиться с точкой выброски.

Ближко – это в часе или двух полета от Москвы, примерно в полутора тысячах километров. Далек – это фактически рядом с пунктом назначения, у черта на куличках. В самый раз – это Сибирь. Где искать площадку для приземления? Это при том, что площадок там в связи с вырубкой леса море.

– Чем тебя не устраивает хотя бы Ульяновская, Уфимская области? – спросила Катя, присоединяясь к Марковцеву. Хотя ответ знала: команда может не успеть подготовить к выброске контейнеры. Самолет начнет описывать круги над площадкой и привлечет к себе внимание. Его просто-напросто собьют средствами ПВО. А что еще останется делать военным, если борт не отвечает на запросы и продолжает совершать воздушные «кульбиты»?

Идеальный вариант – подобрать площадку в нескольких километрах от Комсомольска-на-Амуре. Времени будет столько, что начнешь торопить его. За двенадцать часов полета можно будет обклеить салоны изнутри купюрами, содрать их и снова обклеить. Но поиски приемлемой площадки займут много времени, так что в срок не уложишься.

Марковцев услышал за спиной громкий вздох и, обернувшись, увидел Адама, сокрушенно качающего головой. И спросил его кивком головы: «Ты чего?»

– Что скажешь насчет Мордовии? – вопросом на вопрос ответил летчик.

– Что я скажу о Мордовии? – переспросил Марк и ответил тоном генерала Пентагона: – Лично я ничего не имею против Мордовии.

– Саранск, – многозначительно сказал Адам, беря на вооружение растерянность Марковцева. – Большое Маресево...

– Что, родные места? – перебил он азербайджанца. – Ты родом из Большого Маресева?

– Между Большим Маресевым и...

Между Большим Маресево и поселком Печеуры находился военно-полевой аэродром. Он относился к брошенным, неперспективным объектам Минобороны, и военное ведомство отказалось от него, вычеркнув из списка поддерживаемых объектов; а частным структурам он и даром был не нужен. И тому, по меньшей мере, было две причины. Первая: удаленность от центра и более или менее крупных населенных пунктов. Вторая: отсутствие каких-либо строений. В общем, все то, что можно было купить, а потом продать.

Поляны, луга и проплешины служили ВПП естественной маской. Даже с высоты птичьего полета полоса, обрамленная зеленью лесов, виделась парящей землей. Но преобразилась, когда на ней загорались огни полевого светосигнального оборудования. Она была настоящим «секретным фарватером» в непроходимых лесах Мордовии. Аэродром построили как учебный объект. К тому же он, находящийся точно под запруженной воздушной трассой, мог «разрулить» аварийную ситуацию, приняв самолет с неисправностями на борту. А сегодня он сам представлял реальную угрозу любому воздушному судну. Сверху походил на шахматную доску с однотонными клетками и полями: то проросла буйная зелень по периметру каждой железобетонной плиты, основы взлетно-посадочной полосы. Теперь зеленая маска демаскировала аэродром. Но кому он нужен? Здесь с успехом можно было проводить соревнования по «прикладному» байку, настоящее раздолье для мотогонок-экстремалов.

Адам, чтобы не быть голословным, добавил к своему рассказу:

– У меня остались снимки аэродрома и прилегающей местности. То, что осталось от леса, – поправился он.

– Снимки и записи старые?

– Можно сказать, новые. Два года назад я был в тех местах, навещал товарища по летной школе. Пригласил поохотиться в тех местах.

Адам быстро ретировался, поманив за собой Хусейна. Вдвоем они на скорую руку организовали студию, расставив в ангаре стулья и подключив видеомагнитофон к телевизору. «Демонстрационный зал», – буркнул под нос азербайджанец, включая систему.

Он был вынужден пояснять по ходу просмотра. Во-первых, Марковцев сразу уточнил у него, кто рядом с ним на пленке; это был рослый мужчина, ровесник Адама, чертами лица напоминающий бурята.

– Ты ошибся, – сказал Хуциев. – Он тувинец, земляк нашему Шойгу.

– Нашему?

– Ну вашему, какая разница? Вадим Тувинцев – мой друг. Осел в Саранске. Женился на...

– Ну это понятно, – снова перебил Марк. – Я хочу услышать от тебя другое: ты доверяешь ему? Ведь к этому ты завел свою шарманку? – Марковцев изобразил кинокамеру, кивнув на видеомагнитофон.

– Это место, – Адам расстелил на столе карту СССР с масляными пятнами, будто на ней наглядно был показан прорыв нефтяных скважин Сибири и Дальнего Востока, и знаком дал понять Хусейну, чтобы тот остановил воспроизведение. – Это место находится на пути оживленной воздушной трассы. И заворачивать никуда не надо. И людей подыскивать, и транспорт арендовать или покупать. И рекогносцировку вести не надо. – Он загнул все пальцы, и с его доводами спорить было проблематично.

Хусейн возобновил воспроизведение, нажав на кнопку пульта, и посмотрел на Катю таким взглядом, словно действительно находился в кинотеатре и встретил там девушку своей мечты – на самом последнем ряду.

Катерина смотрела на экран телевизора, а мысли ее были далеко и от этого места, и от того, где была сделана запись. Она анализировала сложившуюся ситуацию, в которой ее пока удовлетворяло все. Она исключала сговор между Марковцевым и Хуциевым – у них не было времени переговорить и что-то там запланировать. Плюс она не выпускала Марка из поля зрения. И другой момент. Она не сомневалась, что Марковцев и Хуциев действительно не виделись много лет. Она наблюдала сцену встречи и пришла к выводу, что так классно сыграть просто нельзя. Или же она ошиблась и кино на территории бывшего СССР все еще не умерло. Собственно, ее размышления сводились к тому, что ее устраивал вариант, в котором место ключевых действий выбирала третья сторона – так Катя решила называть двух азербайджанцев. Таким образом, сговор в любой его форме двух сторон исключался, поскольку существовала третья сторона. В этой схеме было много проблемных, сырых мест, но она представлялась лучшей, ибо искать другую не оставалось времени. Марк был прав, когда сказал о том, что, если даже каждый член команды станет верить в бога и деньги, это не сплотит команду. По большому счету, набирался отряд наемников со всеми соответствующими атрибутами и вытекающими последствиями.

Она слушала и не слышала Адама Хуциева, который продолжил комментировать видеозапись:

– Вот здесь раньше располагался полевой штаб... Тут стояли палатки... Тут пыхтели передвижные дизельные электростанции, подающие напряжение на городок, ССО, столовую...

Вадим Тувинцев приехал на шестой день пребывания Марковцева и Майорниковой в Азербайджане. Он и Адам были ровесники, но Тувинец выглядел на десять лет моложе вечно небритого азербайджанца.

В Баку его встречал Хусейн, он же привез его на своей старенькой «Волге»-«двадцатьчетверке». Катя, Марк и Адам находились в ангаре, когда в открытые ворота въехала машина. Все повернули головы, но с места не тронулись, даже гостеприимный Адам остался на месте. Да и Хусейн заторопился присоединиться к товарищам. Таким образом, гостя встречали сразу четыре молчаливых человека.

Катя, растянув губы в дежурной улыбке, процедила Марковцеву сквозь зубы, давя артикуляцию:

– Ты здесь старший. Не хочешь обрадоваться новому члену команды? Ты ведь ждал его.

– Если у меня в жопе цветок, это не значит, что я его кому-то подарю, – красноречиво ответил Марк.

Тем не менее встал из-за стола и сделал шаг навстречу Тувинцу.

– Меня зовут Сергей, – представился он, пожимая ему руку. – Как добрался?

– Без приключений. Вадим, – назвал гость свое имя, отвечая Марку в обратном порядке.

Только теперь Адам «прозрел» и только что не захлопал от удивления глазами. Он и Тувинец обнялись и похлопали друг друга по спине.

– Дело на миллион? – произнес гость, устроившись за столом напротив Марковцева. Эта стандартная фраза пришлась как нельзя кстати. Во всяком случае, так подумала Катя. Лично она оказалась бы в затруднении, не зная, с чего начать разговор, если бы инициативу отдали ей. Она была нечестна перед собой: переговоры с Тувинцем лежали на Марке, и она умело выбросила этот вопрос из головы, расслабившись.

Марковцев ввел Тувинца в курс дела, затратив на это не больше десяти минут. Он ни разу не прервался. Было бы правильнее сказать, что Вадим его ни разу не прервал уточняющим

вопросом. Марк не проронил ни одного лишнего слова. И вообще, когда он говорил, его трудно было прервать.

– Значит, от меня требуется подобрать еще одного-двух человек, – наконец сказал Тувинец, допивая вторую чашку кофе. И уже потом добавил: – Заманчивое предложение. Дело стоящее. Можете рассчитывать на меня.

– С оружием, как я понял, у тебя проблем не будет?

– На этот счет можете не волноваться. У меня три ствола: «Вепрь» и две «Сайги». Одна «Сайга» новая, со складывающимся прикладом. Другую я купил еще лет четырнадцать назад.

– Знаю это оружие, – покивал Марковцев.

Самозарядный карабин «Сайга» был создан на базе конструкции «АКМ» и отличался от последнего тем, что не мог вести огонь очередями. Также был изменен узел крепления магазина к оружию, дабы лишить возможности вставить в него магазин от боевого автомата.

Интересно было происхождение этого оружия. В 70-е годы в Казахстане посевные площади стали вытаптывать стада мигрирующих антилоп, нанося тем самым урон сельскому хозяйству. Первый секретарь ЦК компартии Казахстана Кунаев обратился лично к Брежневу с просьбой о разработке такого оружия, которое позволило бы более эффективно отстреливать сайгаков. Поскольку бригады охотников, вооруженных гладкоствольным оружием, с истреблением антилоп не справлялись. Вот так появилась первая партия «Сайги» в количестве трехсот карабинов.

Что касается «Вепря», то он также сохранил конструктивную схему «калашников» и его тип автоматики.

На следующее утро Катя могла наблюдать странную картину. Она слышала и, кажется, видела по телевизору, что все воздушные элементы отрабатываются на земле. Да, точно, она вспомнила. Итальянские летчики отрабатывали порядок прохождения, строя, других элементов, приуроченных к открытию салона авиатехники в Ле-Бурже. Широко расставив руки, имитируя самолет, они походили на играющих в войнушку малышей.

В котором часу встали мужчины? – недоумевала она, проснувшись, как ей самой показалось, чуть свет. Они успели нанести мелом на участок бетонки план местности. Заштрихованными были, скорее всего, лесные массивы. Да, так и есть, пришла она к выводу. И уже со стопроцентной уверенностью определила, что прямые линии на карте – это дороги. Широкие – трассы, потоньше – проселочные. В общем, разобраны по категориям. О чем говорили и надписи. Обозначенная трасса Р-178 краем задевала огромный прямоугольник – населенный пункт Большое Маресево.

Адам стал на месте, много севернее столицы Мордовии.

– Здесь, – он для большей наглядности топнул ногой. – Здесь мы с Хусейном сменим летчиков «Куба». – Он называл «Ан-12» по классификации НАТО, что было короче и понятней. – Дальше берем курс на аэродром. Марк поступил мудро, когда привлек к работе своих летчиков, – одарил он похвалой гостя; не обошел и себя. – Это сводит на нет поисковую операцию: никаких радиомаяков и прочего дерьма, которое может выйти из строя и запутать нас. Я проведу самолет точно над ВПП аэродрома. А «титულным» летчикам пришлось бы объяснять на пальцах: летите туда, не знаю куда. – Хуциев сморщился и махнул рукой: – Поисковая операция должна пройти быстро. Затягивать время – значит затягивать петлю на собственной шее.

– Выходит, взлетно-посадочная полоса определена для приземления пилотов? – спросил Тувинцев.

– Конечно, – с готовностью отозвался Адам. – На деревья посадим груз. Ветви деревьев, кусты, трава смягчат удар. Купола окутают зеленые деревья, как белый снег. Вот вам и радиомаяк. А пилоты сядут на ровную поверхность, в линеечку. – Адам прищурил один глаз, представляя идеально ровную прямую. И даже прищелкнул языком.

Откуда Хусейн взял дорожные знаки, которыми обозначают свежеекрашенные полосы, для Кати осталось загадкой. Полосатые конусы были в руках Хусейна, тем не менее все четверо мужчин походили на персонажи из короткометражных комедий в исполнении грузинских артистов. Он пристроился в хвост Адаму, который заходил на высадку по левой коробочке, и пошел за ним. На определенном этапе летчик отдал команду «К высадке», что реально походило на бомбометание. Хусейн на свой запрос на открытие ramпы получил подтверждение: «Ramпу открыть разрешаю». Выйдя из разворота, Адам прокомментировал свои действия:

– Выпускаю закрылки, сбрасываю скорость полета. Полет горизонтальный. Скорость триста сорок. Сброс!

Хусейн наклонился и положил на землю один конус, через несколько шагов другой. Адам держал скорость и к началу ВПП подошел с тем расчетом, что в обозначенный на плане подлесок перед ней сброшен последний конус-контейнер. Теперь дело за пилотами. Два конуса стали посередине полосы. Адам зашел на второй круг. На втором заходе он отдал управление законному экипажу, который видел и усвоил маневры коллег, тем более что площадка для приземления была в поле видимости. На всякий случай Адам еще раз предупредил виртуального командира судна:

– Закроешь ramпу, я вернусь и пристрелю тебя.

Сориентировавшись на край взлетно-посадочной полосы и по другим приметам, он отдает последнюю команду, обращаясь к Хусейну:

– Пошли!

И последние полосатые колпаки заняли место на бетонном макете.

Марковцев не проронил ни слова. Впереди не одна отработка действий на макете. Именно завершающая фаза на этом этапе внушала ему опасения. Он и Катя покинут самолет, тогда как два пилота из его команды останутся на борту. С точки зрения психологии преимущество было на стороне каперской команды. Ждать от экипажа действий, которые можно назвать безумными, – так вопрос не стоял. И все же. Случайность, к которой можно отнести порыв любого из членов экипажа, могла привести к провалу всей операции. В этом плане риск азербайджанцев выглядел неоправданным. И Марк тотчас внес коррективы. Он поднял с бетонки два конуса, которые легли на нее последними:

– Последними садимся мы с Адамом. Хусейн, приглядишь за Катей. Смотрите только, чтобы стропы ваших парашютов не спутались.

– Если только после приземления, – ответила за себя и «за того парня» Майорникова.

И тут вдруг Хусейн заартачился, выказывая свой горячий темперамент:

– Считаешь, я не справлюсь, да? Не сумею запугать пилотов и этих, как их... курьеров-инкассаторов, да?

– Продолжай, – разрешил Сергей. – Продолжай играть в террористов. Уходить с оружием в руках и держать все под контролем, это тебе не колпачки по дороге расставлять. – Он остановил Хусейна жестом руки. – Ты будешь делать, что я тебе скажу. Если я скажу тебе прыгать, ты будешь спрашивать?.. Ну, Хусейн, я жду ответа.

– С какой высоты, что ли? – потерянным голосом отозвался он.

– Быстро соображаешь. Для человека, у которого пятеро детей...

Хусейн открыл рот от удивления. Глядя на Катю и не смея встретиться взглядом с Марковцевым, он еле выговорил:

– Дети? – Он захлопал покрасневшими вдруг глазами. – Откуда?

– У тебя пятеро детей, и ты не знаешь, откуда дети берутся? – Марк трижды хлопнул в ладоши, привлекая внимание и Адама с Тувинцем. – Договоримся так: вы не в доле, но работаете за очень приличные деньги. Я ваш работодатель. И собираюсь платить за работу. За «слепоту» башлять не намерен. Оплата равносильна долям в равноправном мероприятии.

– Я мог бы претендовать на б*!*о*!*льшую долю в этом равноправном мероприятии, – заявил Адам.

– Это почему? – спросила Майорникова.

– У меня стаж лесоавиационных полетов, – пояснил Адам. – Лучше меня с этой работой не справится никто.

До того как открыть парашютный клуб, Адам Хуциев не просто патрулировал обусловленные договорами районы. Он патрулировал с парашютистами на борту и сбрасывал грузы. Он смотрел на того же Хусейна, который прилип к русской красавице, таким взглядом, каким вырывал из лесопатологического очага безнадежно потерянное дерево: «Что ты знаешь об этом?» Хусейн появился на его аэродроме ровно в тот день, когда в голову Адама пришла идея о частном парашютном клубе, а в голову его жены – как и чем побыстрее убить мужа, который, покупая самолет и все, что к нему полагается, опустошил солидную заначку, да еще влез в долги.

– Ты хочешь отрубить пилотов от связи, – сказал он Марку. – А что ты знаешь о ней? – Он снисходительно усмехнулся, припомнив, правда, слова самого Марковцева: «Мне нужен консультант по гражданской авиации». Вот Адам и начал консультировать – с недовольством пчелы: – Когда я работал на облете, я каждые тридцать минут полета сообщал в центр свое местонахождение и условие полета. Есть еще такая вещь, как фразеология радиообмена, – просветил он товарищей. – Это как почерк радиста. На земле сразу установят, что с самолетом что-то не так. Сейчас ты скажешь, что не собираешься допускать такого, а вдруг?

Марк не стал прерывать Адама: пусть выговорится. Вокруг стояла тишина, тогда как Марковцеву казалось, гремел тяжелый рок, под него-то и выступал Адам, отчаянно жестикулируя. Вот он раскинул руки и прошелся брьющим полетом прямо над кронами деревьев – не для того, чтобы покрасоваться и показать свое умение, а потому, что ему не раз доводилось совершать такие маневры – для тщательного осмотра площадки или приземления, например. И все же Марковцев остановил товарища, когда тот в своем рассказе добрался буквально до пожарного случая, когда из-за неисправности материальной части (так он назвал отказ двигателей, повреждение крыльев, фюзеляжа, шасси) самолет становится неуправляемым и создается реальная угроза для экипажа и парашютистов, и он, «ка-вэ-эс», обязан принять решение о... Тут он выразительно свистнул и показал руками, как экстренно выпрыгивают из неисправной матчасти летчики и парашютисты.

Во время выступления пилота Марковцев бросал частный взгляд на Тувинцева. Он не пришелся ко двору. В нем могло не понравиться многое: апломб – в поведении и речи, обусловленный скорее всего статусом последней инстанции: без него операции не быть; и он единственный «бесконтрольный». Марк не захотел кривить душой и переговорил с ним начистоту, отозвав в сторонку и глядя ему в глаза:

– Вижу, ты не из пугливых.

– Это ты верно заметил.

– Но мне до балды, испугаешься ты или нет, когда я приду по твою душу. Вспомни об этом, если решишь изменить правила игры. Там, на земле, – добавил Марк, – где контролировать тебя будет некому.

К ним подошел Адам. Тувинцев не дал ему задать вопрос – чтобы не отвечать на него. Он натурально «пожаловался на сервис»:

– У тебя нет пива. Может быть, сгоняем в соседний поселок или что тут у вас?

Адам, прежде чем ответить, взглядом спросил разрешения у Марковцева.

– Сгоняйте, сгоняйте за пивом, – дал он согласие. Это его, Адама, дело. Но Марк ему еще до знакомства с Тувинцем говорил: «Каждый из нас может завалить дело. Будет обидно, если причиной окажется глупость. Так ты доверяешь ему?» И – кивок в сторону. Адам понимал Марковцева, ставшего обладателем титула «первого гостя». А что делать со вторым? Тому

просто необходимо пошептаться с тем человеком, который мог на словах объяснить что почем. Одно дело официальное представление, за столом, другое дело – разговор с глазу на глаз, с обязательным скрежетом стартера: «Ну так...»

Ну так кто же он на самом деле?

И Марку такое представление, что называется, за глаза, было необходимо. Во всяком случае, так думал Адам. И нашел подтверждение своим умственным выкладкам в том, что Марковцев не тормознул его подозрительным взглядом из-под нависших надбровных дуг: «Куда это вы намылились?»

– Я не думаю, что Марковцев языком заработал себе авторитет, – заявил вдруг Тувинец. Эти слова он произнес, едва скрылись за косогором строения аэродрома.

Адаму показалось, он ослышался. Лично ему стало все ясно и понятно, едва Марк окунул его в суть дела. Просто Тувинец не знает Марковцева. И Адам был вынужден вступить за Сергея:

– Я знал людей, которые языком зарабатывали авторитет. И знаю, куда завел их этот язык. Давай я тебе кое-что покажу.

Адам затормозил и, развернув машину, взял направление на автобазу. Не доехав до бывшего автобата пары сотен метров, он выключил двигатель, однако машина продолжила движение накатом, к чему и стремился Адам, дабы придать своему рассказу реалистичность. Он показал направление, вытянув руку вверх и назад.

– Я сидел в кресле первого пилота и шел этим курсом. В грузовой кабине ждали своего часа тринадцать человек – у них даже зубы были в камуфляже. Среди них был и Марковцев Сергей. За сто пятьдесят метров до ворот воинской части, которая стала тренировочной базой для террористов, я подал команду к высадке. Хотя то, что собрались сделать тринадцать диверсантов, даже выброской нельзя было назвать. Высота – сто метров. У каждого парашютиста за спиной рюкзак со взрывчаткой, по паре автоматов...

– Полная боевая выкладка, – подсказал Тувинец, сокращая рассказ товарища.

– Первым мы, отвлекая внимание террористов, выбросили моего водителя, который работал на заправщике...

Он не раз прыгал с парашютом и был спокоен. Команда «Пошел!», и он, оттолкнувшись, покинул борт «Яка». А когда самолет с десантниками на борту пошел на последнюю прямую, сделав двойной разворот, настала очередь мастеров. Бойцы почувствовали эту последнюю прямую, которая протянулась по направлению к асфальтированной дороге, вела в самый центр ада. «Попер, родимый!» – выкрикнул кто-то. «С ветерком под горку!» – отозвался другой. Прозвучала команда «штатного» пилота диверсионной команды: «Спускайся ниже, Адам!» – «Куда ниже?! Сто сорок метров! Я вам не истребитель! Разобьетесь на хрен! Ошибка в три-четыре метра, и вас даже по зубам не опознают».

Самый здоровый из команды занял исходную позицию, и его ботинки замерли на краю пропасти. Самый тяжелый, он головой вперед бросится в открытый люк, увлекая за собой товарищей. До выброски остались считанные мгновения.

– Хусейн держал руку на пульсе, – продолжал рассказ Адам, – на красной кнопке сигнала. Он видел то, что видел я: здание КПП и полоску грунтовки, которая и была контрольной отметкой. До нее оставалось примерно двести метров. Хусейн нервничал. Он сидел на месте бортового механика и бросал короткие взгляды в салон. А меня словно сковало. Я понял, каково было Талалихину. И вот когда нос моего «Яка» вторгся в чужое измерение, отсчет пошел в обратную сторону. Хусейн надавил на кнопку, и над дверью загорелась синяя лампа. Крайний к кабине экипажа диверсант перехватил сигнал и, выкрикнув его, надавил на стоящего впереди товарища. Несколько мгновений, и диверсионный отряд прокатился по салону и исчез в развернутой пасти десантного люка. Как и не было никого. Только вытяжные тросики, собранные в кучу, покачивались на леере.

Адам замолчал.

С той поры прошло много лет. Автобат отстроили заново, с тем расчетом, что там отныне будет дислоцирован батальон быстрого реагирования. Ясно, что такое решение Минобороны страны было вызвано стремлением хотя бы таким образом дать ответ российским коллегам, которые провели силовую акцию на чужой территории, с применением сил специального назначения, с поддержкой боевых вертолетов. Они воздвигли памятник на том месте, где раньше базировался значительный отряд террористов. Это была ошибка, и военное руководство поняло ее поздно, когда уже были потрачены средства. К тому же место для базирования батальона быстрого реагирования было крайне неудобным. До ближайшей границы больше ста пятидесяти километров. Кто-то из военных произнес короткое «паучье» слово «выжидать», и базу продали американскому предпринимателю. Земля и постройки на ней и сейчас находились в его ведомстве, но никакой деятельности он там пока не вел.

И когда легковушка Адама неслышно подкатила к КПП, где охранники смотрели спутниковые программы по телевизору, они выскочили наружу с помповыми ружьями наперевес. Но тотчас их пыл погас. Они узнали Адама, хорошего летчика, чьи дела последнее время катились так же бесшумно, как и его машина. Они обменялись приветствиями на родном наречии. И только когда увидели Тувинца, вылезшего из машины, автоматически перешли на русский.

Адам, раз избрав тактику с наглядными примерами, уже не мог отказаться от нее. Кроме того, ему самому понравилось, как он изобразил «планерный полет», подъехав к автобату накатом. Да и Тувинец был не против. Охранники разрешили им пройти на территорию части, и Адам Хуциев возобновил повествование, которое изобиловало деталями, но в нем не было мелочей.

Настала пора прощаться. Ровно восемь дней провели москвичи в гостях у Хуциева. За это время Катя Майорникова совершила семнадцать прыжков с парашютом и самоуверенно внесла себя в список опытных пилотов. Вдохновенная, влюбленная в небо и землю – такую далекую и близкую, она рвалась в бой. Она была уверена в успехе. На этом фоне она не замечала просчетов, но их видел и исправлял по ходу дела Сергей Марковцев. Последние два дня он провел с Тувинцевым, на которого была возложена важная спасательная миссия. Без него основное ядро группы – просто вооруженные парашютисты, планы которых разобьются о землю. Они проработали все возможные варианты, как следователь ищет версии, и не могли не знать, что всего не предусмотреть.

Тувинцев, получив четкие указания, первым оставил гостеприимную азербайджанскую землю. На следующий день с Адамом и Хусейном попрощались Сергей и Катерина.

Они сидели рядом – он, глядя в иллюминатор, она – глядя туда же, и на него. Она замаскировала свою заинтересованность за легкой озабоченностью, поступая хитро, как могла сделать только женщина.

– Сергей, – начала она, называя его по имени, что уже само по себе было необычно.

– Да, – ответил он, отрываясь от созерцания белоснежных облаков. Как показалось Кате, охотно.

– Мне все время кажется, что я тебе кого-то напоминаю.

– Кого именно?

– Может быть, ту женщину, которую ты хотел, но так и не смог забыть?

Речь шла не о Кате Сорокиной, с которой Сергея связывало очень многое, даже полушутливое планирование детей. Почему полушутливое – потому что так об этом сказала она. И даже смерила его насмешливым взглядом. Досада сквозила в ее голосе, но Марк не сразу уловил ее – прошло много времени. «Я бы забеременела от тебя», – сказала она. И добавила, что чувства тут ни при чем – так, шкурный интерес. Но не к ней возвращала Марка *эта Катя*, а погружала на самое дно его воспоминаний. Тема для него неприятная, но он проявил такт,

терпение по отношению к этой женщине, которая, мог он честно признаться себе, нравилась ему все больше. Только он не знал причин, которые заставляли Катю интересоваться его прошлой семейной жизнью. Такое чувство, что она готовилась к защите диссертации на эту тему.

– У тебя была возможность поправить семейное положение?

– Теперь это так называется? – хмыкнул Марк. Но на вопрос ответил – грубо: – Выше хрена не прыгнешь. В моем случае нужно было прыгать не только выше головы, но еще и выше рогов, которые мне наставила благоверная. Только не говори, что голова и рога неотделимы.

Катя загордилась от него ладонью: «Ни в коем случае!», заодно пряча улыбку и мысленное дополнение: «В измене неотделимы голова, рога и хрен». Он сам заставил ее думать в таком ключе. Она торопливо бросила в рот жвачку, чтобы «управлять» губами, не давая им расплзтись в стороны.

– Все измены на одно лицо, – буркнул Марковцев.

– Ты так считаешь? – спросила она, наигранно выкатив глаза.

– Да, я так считаю. Но люди разные и измены воспринимают по-разному. Кто-то изменой отвечает на измену, и этот вариант мне кажется самым симпатичным.

– Не по-божески, – многозначительно покачала головой Катя.

– В каком смысле «не по-божески»? – не понял Сергей.

– Если подразумевать под изменой то, что в Библии называется ударом по щеке. Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую.

– То есть если мою жену поимели на спине, то она должна была перевернуться на живот? Поверь мне, она делала это не раз.

Катя бросила в рот еще одну жвачку и энергично заработала челюстями.

– Поначалу ею двигала похоть, потом – спортивный интерес. Ее раздирало любопытство, как высоко она сможет забраться. Дай ей лестницу, она и с жирафом перепихнется. У нее была потрясающая пропускная способность. Последним, о котором я знаю, у нее был генерал-полковник. Не хватала звезд – это не про нее. Но если бы я не понял одну вещь, я бы не успокоился.

– И что это за вещь? – полюбопытствовала Катерина.

– Она водила мужиков в постель, а не к алтарю.

– А-а... – многозначительно протянула Катя. – А ты не пробовал разобраться в себе?

– В себе?

– Да, в себе. Ты старался понять, почему небо для тебя стало с овчинку, почему земля уходила у тебя из-под ног? Я правильно описала твое состояние?

– Похоже, – был вынужден согласиться Сергей.

– Может, в то время ты страдал душевным или интеллектуальным тунедством?

– Чего?

– Есть еще такие вещи, как инфантильность, легкомысленность, наивность. Это не помогает сохранить гармонию между двумя людьми. Тогда ты был молод и тебе не хватало жизненного опыта. А чуть позже? Какого чуда ты ожидал? И что произошло с тобой после упоительного состояния? Начались недомолвки, обиды, ссоры?

– Ты была замужем?

– Только готовлюсь.

– А, готовишься, – артистично покивал Марковцев. – Понятно. Ты готовишься разобрать любовь по полочкам. Ты хочешь препарировать амурского тигра, изучить его внутренности. Но как ты потом будешь любоваться им? А кто будет твоим партнером? Может, тебе стоит положить глаз на гинеколога? Уж он-то знает каждый уголок женского лона. Ищи спутника жизни, а не метеорит, который расколется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.